

O. A. МОНЧАЛОВСКИЙ.

ЖИВЫЕ ВОПРОСЫ.

1.

КЛИНЪ КЛИНОМЪ.

II.

МАЗЕПИНЦЫ.

— Цѣна 10 геллеровъ. —

(Отпечатка изъ „Галичанина.“)

HOOVER INSTITUTION
B. I. Nicolaevsky Collection

ЛЬВОВЪ, 1900.

Изъ типографіи Ставронигійскаго Института,
подъ управлениемъ О. Данилова.

Клинъ клиномъ.

Австрія — признанная страна неожиданностей. Но самыя смѣлые предположения не могли допустить возможности, чтобы русскій литературный языкъ могъ быть когда-либо выставленъ, какъ средство — чуть-ли не единоспасительное — умиротворенія и оздоровленія внутреннихъ отношеній въ Австріи и какъ залогъ ся будущаго существованія и процвѣтанія.

Передовыя представители славянскихъ народовъ въ Австріи, за исключениемъ однихъ поляковъ, признаютъ великую роль русскаго языка въ Славянствѣ. Въ краинскомъ сеймѣ въ 1899 году, въ чешскомъ же въ 1900 году были внесены и приняты предложения о введеніи преподаванія русскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Краины и Чехіи; общее собраніе политическаго Общества во Львовѣ, „Русская Рада“, состоявшееся дня 11 (24) мая 1900 года, включило въ число национально-политическихъ требованій русскаго населения Галичини — обязательное преподаваніе русскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Галичини и учрежденія катедръ русскаго языка и русской литературы въ львовскомъ университѣтѣ и въ львовской-же политехнической школѣ; въ пражскомъ у-

въ одній Галичинѣ есть три поднарѣчія малорусскаго нарѣчія: подольское, гуцульское и лемковское), рускій языкъ предста- вляетъ собою лучшій матеріалъ для выработки научной и практической термино-логіи, а это, вмѣстѣ съ его распространенностью и съ громадною силой русской литературы, и поставило его на степень общеславянскаго языка. Еще Шафарикъ, Гурбашъ, Юнгманъ, Штурь и многие другие передовые славяне признавали за рус- скимъ языкомъ право стать общеславян- скимъ языкомъ, нынѣ же это право утвер- ждено окончательно не только съ научной точки зрењія, но и дѣйствительной жизнью.

Но „общеславянство“ русскаго языка не слѣдуетъ принимать и понимать такъ, чтобы отдельные славянскіе народы, раз- вившиѣ свою язычную и культурную само- стоятельность, оставили свои языки и забро- сили свои литературы, а приняли рускій языкъ и русскую литературу. Никто и не думаетъ о томъ, чтобы рускій языкъ сталъ „литературнымъ“ языкомъ для всѣхъ славянъ, какъ и пр. верхнесаксонскій языкъ стать литературнымъ языкомъ для всѣхъ нѣмецкихъ племенъ. Можетъ быть, съ вре- менемъ это и произойдетъ, но само собою, безъ принужденія и насилия, нынѣ же рускій языкъ необходимъ, какъ языкъ взаимнаго общенія и уразумѣнія между славянами. В. И. Ламанскій, Н. А. Кулаковскій, А. С. Будиловичъ, А. И. Добрянскій, Ф. Подгор- никъ, Орѣшковичъ, Политъ-Десницичъ и др. говорятъ о русскомъ языкѣ, какъ объ-

общемъ органъ науки и высшей образованности, признаютъ его необходимымъ въ высшей области жизни и мысли, требуютъ его для виѣщихъ сношеній и въ научной литературѣ, признаютъ его въ качествѣ международнаго органа въ устныхъ и письменныхъ сношеніяхъ, въ качествѣ дипломатическаго языка между славянами, но допускаютъ, наравнѣ съ нимъ, также и мѣстные языки, и то не лишь для домашняго употребленія, но и для мѣстной литературы. Этого, впрочемъ, требуетъ сама жизнь. Мы, галицкіе и буковинскіе малороссы, считающіе — ибо не можемъ и не смысльше считать — русскій литературный языкъ общимъ достояніемъ и драгоценнымъ плодомъ тысячелѣтия го культурнаго труда всего русскаго народа, привуждены соображаться съ обстоятельствами и условіями нашей жизни и нашего положенія въ Австріи и пользоваться нашимъ мѣстнымъ нарѣчіемъ и нашою мѣстною литературою. Что же говорить о чехахъ, словенцахъ, сербахъ, хорватахъ и т. д., отстоящихъ дальше наѣтъ отъ русскаго языка и русской литературы?

Въ то время, однако, когда австрійскіе славяне уже возвели русскій языкъ на степень общеславянскаго языка не только въ теоріи, но и въ практикѣ, — по крайней мѣрѣ мы, русскіе журналисты въ Галичинѣ, переписываемся съ многими славянами по русски, — русскій языкъ считается въ Австріи официально „запрещеннымъ товаромъ.“ Правда, австрійскіе дипломаты

ииверситетѣ преподается уже тридцать пять лѣтъ, въ пражской же политехнической школѣ двадцать пять лѣтъ русскій языкъ; въ Чехіи и Моравіи существуютъ давно, въ южно-славянскихъ земляхъ Австріи, а также въ Галичинѣ и Буковинѣ, возникли въ послѣднее время частные кружки любителей русскаго языка; мудрые іезауиты, основавши, преимущественно для польской молодежи изъ Россіи, гимназію въ Хировѣ, въ Галичинѣ, учредили въ ней катедру русскаго языка; въ самой Вѣнѣ существуетъ уже несколько лѣтъ и развивается успешно „Кружокъ любителей русскаго языка“⁴. Иначе и не можетъ быть. Русскій языкъ, возвысившійся своими достоинствами надъ другими славянскими языками, сдѣлавшійся вторымъ міровымъ языкомъ, вступилъ уже въ роль общеславянскаго языка „взаимнаго разумѣнія“ или, какъ чехи говорятъ: дотогодивасу *jazyk*, и безповоротно разрѣшилъ вопросъ о язычномъ сближеніи славянъ. Великая мысль, что славяне должны научиться разумѣть другъ друга, и то не на немецкомъ, только на общеславянскомъ языке, возникла впервые въ свѣтломъ умѣ хорватскаго священника Крижанича, въ половинѣ XVII вѣка. Крижаничъ предлагалъ составить общеславянскій языкъ изъ всѣхъ славянскихъ языковъ на основѣ русскаго языка и проповѣдывалъ эту мысль въ Москвѣ. За Крижаничемъ пошли Геркель и Матія Маляръ, но мысль Крижанича, хотя и велика, была слишкомъ туманная, чтобы могла быть осуществлена въ жизни. Такъ-

же неосуществимымъ оказалось предложение знаменитаго Коллара, видѣвшаго возможность сближенія славянъ въ изученіи каждымъ образованіемъ славяниномъ по меньшей мѣрѣ четырехъ славянскихъ языковъ. Есть славяновѣды, знающіе всѣ славянскіе языки, но они составляютъ исключение даже среди ученыхъ, а посему и мысль Коллара можетъ быть осуществима только избранными изъ славянъ. Необходимость и потребность сближенія славянъ между собою росла между тѣмъ по мѣрѣ національного развитія славянскихъ народовъ и по мѣрѣ давленія, производимаго на нихъ иноплеменниками. Эта необходимость выразилась въ требованіи — возведенія одного изъ славянскихъ языковъ на степень общаго для всѣхъ славянъ языка. Одинъ изъ первыхъ представителей этой мысли, Добровскій, предлагалъ избрать церковно-славянскій языкъ, какъ всѣ мертвые языки, не способны къ дальнѣйшему развитію, отвѣчающему современной жизни народовъ и мысль о немъ была оставлена, особенно, что между тѣмъ выдвигался и выдвинулся въ первый рядъ между славянскими и вообще образованными языками — языкъ русскій. Занимая діалектически срединное положеніе между южными и западными славянскими языками и опираясь въ лексическомъ составѣ на единственное въ Славянствѣ, по своей широтѣ, діалектическое основаніе (главный нарѣчія: великорусское, малорусское, бѣлорусское и множество поднарѣчій;

серъезно и обоснованно предлагается русский языкъ какъ единственное средство разрешения язычныхъ споровъ въ Австріи и восстановленія ея великодержавного значенія? Если бы съ такимъ проектомъ выступилъ славянинъ, особенно же русскій галичанинъ, вся немецкая жидовско либеральная печать, въ союзѣ съ польскою, объявили бы автора если не сумасшедшемъ, то во всякомъ случаѣ тайнымъ агентомъ „Славянского Благотворительного Общества“ въ Петербургѣ. Какъ же иначе? Австрію ли можно спасти и ея язычные споры уладить съ помощью русского языка, носящаго въ каждомъ своемъ словѣ, въ каждой своей буквѣ, зародыши „панславизма“, главнаго врага Австріи? Это можетъ предлагать только человѣкъ помѣшанный или — агентъ гр. Н. Н. Игнатьева! Но гр. Г. Куденове не славянинъ, онъ, какъ видно изъ его брошюры, даже отъявленный противникъ „панславизма“ и горячій австрійской патріотъ, а кромѣ сего онъ, видно, разумный и опытный человѣкъ, а поэтому немецкая и польская печать не могла взвесiti на него обычныхъ въ такомъ случаѣ обвиненій, не могла его объявить сумасшедшимъ, только, не скрывая своего ошеломленія, передала содержаніе его сензаційной брошюры почти безъ примѣчаній.

А брошюра гр. Г. Куденове (*Politische Studie über Oesterreich-Ungarn. Von Dr. Heinrich Graf Coudenhove. Wien 1900. Commissionsverlag von Gerold et Comp. Стр. 106*) чрезвычайно занимательна и поучительна.

Нѣмецкія и польскія газеты передали изъ
нея то, что отвѣчало ихъ политическимъ
соображеніямъ, замолчали же о томъ, что
не подходило къ ихъ разсчетамъ. Но для
насъ, австрійскихъ русскихъ, особенно же
для украинофильствующей братіи, важно
въ брошюре многое изъ того, что нѣмецкія
и польскія газеты оставили безъ вниманія.
Нечего увлекаться, что предложеніе гр. Г.
Куденове будетъ въ Австріи принято, а
следствіе сего украинофиламъ нечего тре-
шетать, что въ случаѣ введенія въ Австріи
русскаго языка, въ качествѣ второ-
го, послѣ нѣмецкаго, государственнаго
языка, неѣмъ ихъ мечтамъ и начинаніямъ
„амѣнъ“, но что брошюра гр. Г. Куденове
можетъ развѣять въ Австріи страхъ передъ
русскимъ языкомъ, какъ „панславистскимъ“
и проложить ему путь къ широкому рас-
пространенію, а тѣмъ самымъ прискорить
его употребленіе, какъ дипломатическаго
языка между славянами, въ этомъ нельзя
сомнѣваться. Вѣдь славянамъ не впервые
учиться отъ нѣмца уму-разуму...

Какъ известно, въ ноябрѣ 1899 г. по-
явилась въ журнѣлѣ *Revue des Deux Mon-
des* статья Шарль Беноа (Benoist) п. з.
L'Europe sans Autriche (Европа безъ Ав-
стріи.) Эта статья произвела и въ Австріи
и заграницею сильное впечатлѣніе, такъ
какъ авторъ обсудилъ въ ней обстоятельно
способъ и возможныя послѣдствія одними
со страхомъ ожидаемаго, другими, можетъ
быть, желаемаго раздѣла Австріи. Авторъ,
однако пришелъ къ заключенію, что по-

и штабскіе офицеры должны обязательно знать русскій языкъ, но его распространение среди славянъ почитается чуть-ли не за государственное преступленіе, а по меньшей мѣрѣ за такую контрабанду, какъ — русскій табакъ. Принятое въ прошломъ году краинскимъ сеймомъ рѣшеніе о введеніи преподаванія русскаго языка въ среднія школы Краины не было утверждено. Такая-же участь, по всей вѣроятности, постигнетъ и недавнее рѣшеніе чешскаго сейма. Въ Галичинѣ и Буковинѣ русскій языкъ прямо преслѣдуется, а его любители и распространители считаются „паславистами“, „руссофилами“ и состоять на плохомъ счету у правительства. Довольно сказать, что неѣ общерусскія слова и выражения, т. е. слова и выражения, общія литературиозу русскому языку и малорусскому нарѣчію, тщательно выброшены изъ малорусскихъ учебниковъ и застуپлены польскими словами или чудовищными „выкованными“ выраженіями; что въ львовскомъ — польско-славянскомъ — университѣтѣ нѣть катедры русскаго языка; что гимназисты, частнымъ образомъ изучающіе русскій языкъ, подвергаются даже исключению изъ гимназій; что правительственные власти дважды не утвердили въ 1899 г. устава „Литературного Общества им. А. С. Пушкина“, основаннаго львовскими русскими въ цѣли изученія его членами русскаго языка и русской литературы; что противъ русскаго языка ратуютъ и поляки и украинофилы заодно съ школьнными и

администраційными властями. Эта монополізація русскаго языка для австрійскихъ дипломатовъ и офицеровъ съ одной стороны, препятствія же къ его изученію и широкому, согласно сорѣданой потребности, распространенію съ другой стороны, вызваны страхомъ передъ „панславизмомъ“. Вообще, въ Австрии, среди многихъ двѣстичтвительныхъ и воображаемыхъ пугалъ, подобными которымъ не можетъ похвалиться ни одно другое государство въ мире, первое место занимаетъ „панславизмъ“. Но мнѣнію австрійскихъ политиковъ, „пангерманізмъ“, Italia irredenta, даже соціализмъ, подтачивающій основы вѣры, семьи и государства, ничто въ сравненіи съ „панславизмомъ“. Тутъ не место доказывать, что этотъ паническій страхъ передъ „панславизмомъ“ внушенъ австрійскимъ политикамъ главнымъ образомъ поляками-славянами вслѣдствіе ихъ польско-патріотическихъ соображеній; но это вѣрно, что появление русской книжки, изданной въ Россіи, въ Австрии, особенно же въ Галичинѣ и Буковинѣ, производитъ на многихъ австрійскихъ политиковъ такое впечатлѣніе, какъ если бы появилась сотня живыхъ козаковъ.

Какое-же смущеніе, какой страхъ и трепетъ, какое оголбеніе должна была навести на всѣхъ австрійскихъ политиковъ, боящихся „панславизма“ и всѣхъ двѣль его, брошюра доктора и графа Гейнриха Куденхове (Coudenhove), бывшаго австрійского дипломата, въ которой совершенно

бы найти такое средство, которое бы запокоило славянъ, а не принесло ущерба ни нѣмцамъ, ни мадьярамъ, значитъ, чтобы можно было удовлетворить въ одинаковой мѣрѣ всѣмъ тремъ народамъ. Такъ какъ источникъ неудовольствія и ненависти — язычный вопросъ, то гр. Г. Куденове, упомнувши вкратцѣ о нынѣшніхъ міровыхъ языкахъ: англійскомъ, француаскомъ, нѣмецкомъ и русскомъ, приходитъ къ языкамъ, употребляемымъ въ Австріи и говорить: „Въ числѣ нашихъ языковъ одинъ только можетъ похвалиться своимъ міровымъ значеніемъ, именно нѣмецкій; но существуетъ также другой языкъ, который есть нарѣчіе мірового языка, именно малорусскій языкъ, нарѣчіе русскаго (das *zuethenische*, ein *Dialect des Russischen*). Не могъ бы ли этотъ фактъ быть указателемъ въ решеніи нашихъ затрудненій?“

Показавъ, на основаніи фактовъ изъ дѣйствительной жизни, что чехи не примутъ нѣмецкаго языка, нѣмцы же не примутъ чешскаго языка, и признавъ, что германизация или мадьяризация славянъ была бы преступленіемъ, жестокостью, несправедливостью, а съ политической точки зренія неразумнымъ и безнадежнымъ начинаніемъ, авторъ пишетъ:

„Что-же дѣлать? Нѣмцы не желаютъ быть славянами, славяне не желаютъ быть нѣмцами, — первые потому, что нѣмецкій языкъ даетъ имъ беаграничный просторъ для находки хлѣба, вторые потому, что они славяне и хотятъ остаться славянами. .

Нѣтъ ли въ самомъ дѣлѣ выхода изъ этой дилеммы? Нельзя ли найти средство, съ помощью которого могли бы славяне развиваться славянами, а нѣмцы въ Чехіи не были бы принуждены изучать чешскій языкъ; нѣтъ ли такого славянскаго языка, котораго изученіе представляло бы для нѣмцевъ такія выгоды, что всѣ ихъ аргументы противъ чешскаго языка оказались бы безосновными? Невозможно ли, наконецъ, разрушить ту крѣпость, то гнѣздо коварствъ и искушеній, гдѣ самые опасные враги монархіи, панславизмъ въ союзѣ съ неудовольствіемъ нашихъ славянъ, доведеннымъ до точки кипященія, встрѣчаются, откуда высылаются посланцы, которые подкапываютъ монархію, чтобы разрушить германство и мадьярство и еще больше подсыпаютъ національную ненависть, тотъ источникъ столькихъ страданій нашей страны, столькихъ огорченій нашего возлюбленнаго монарха? Нѣтъ ли средства исцѣлить раны, причиненные намъ тѣми врагами?"

"Да, есть средство, единственное средство, которое при малѣйшей доброй волѣ, при разумномъ зганемъ удаляеть и устраиваетъ затрудненія.

Оно называется — русскій языкъ! Русскій языкъ — міровыѣ языкъ первой степени! Россія — вторая міровая держава, а если англичанамъ пойдетъ когда-либо плохо, Россія станетъ вообще первую державою. Но русски говорятъ 120 миллионовъ людей, съ русскимъ языккомъ я перейду отъ Карпатъ до Тихаго океана, до границъ

добрая опасность пока-что не существуетъ, ибо цѣля Европа имѣетъ интересъ въ сохраненіи Австріи и была бы приуждена — это утверждалъ и старый Шалацкій — ее изобрѣсти, если бы ся не было. По мнѣнію автора, Австрія должна существовать, такъ какъ въ случаѣ ея исчезновенія, противоположности между Германіею и Россіею могли бы, вслѣдствіе длиныхъ и не-природныхъ географическихъ границъ, привести къ опаснымъ осложненіямъ. Германія, вѣрия выраженнымъ въ 1867 г. Бисмаркомъ принципамъ — противъ желанія генерального штаба и короны — не желаетъ присоединенія пѣмецкихъ провинцій Австріи, чтобы не вскрѣпить силы и вліянія католической партіи во вредъ династіи Гогенцоллерновъ. Россія не желаетъ присоединеніемъ Галичини увеличить числа своихъ подданныхъ польской народности. По словамъ Шарля Беноа, Австро-Угорщина — идеалъ государства-буффера и какъ такой необходима для Европы, чтобы предотвратить столкновеніе нѣмцевъ и русскихъ.

Гр. Г. Куденове считаетъ въ статьѣ Беноа запоминальнымъ то, что въ ней обсуждается и вообще затрагивается раздѣлъ Австріи какъ возможный политический проблемъ и примѣчаетъ, что это доказываетъ большую слабость Австро-Угорщины. Гр. Г. Куденове считаетъ, однако, выводы Беноа и вѣнскаго корреспондента лондонскихъ Times, подвергнувшаго статью названного французскаго писателя основательной критикѣ, слишкомъ оптимистически-

ми. „Много лѣтъ, — говоритъ гр. Г. Куденове, — книжь бѣшеная борьба между народами монархій, ненависть между ними, ростетъ постоянно, между тѣмъ какъ темная аловѣщая сила, которую мы называемъ панславизмомъ, занимается подкапываніемъ державы Габсбурговъ. Кровавыя вспышки въ Прагѣ, въ Садцѣ (Saaz), въ Хебѣ; убійства въ Градцѣ, въ Бернѣ, въ Сѣничакѣ; поединки министръ-президентовъ, полиція въ парламентѣ, „Омладины“, изуслівливанія къ отложенію отъ Рима, антисемитизмъ, стачки, ненависть, неудовольствіе, беспорядки везде! И это все происходит въ монархіи, которая въ первой половинѣ настоящаго столѣтія въ теченіе болѣе тридцати лѣтъ играла роль предводительницы въ Европѣ! Откуда это глубокій упадокъ, это постоянное понижаніе? Нѣтъ ли средства его остановить? Многіе покачаютъ головами и скажутъ: „Все пропало, распаденія уже нельзя предотвратить!“

Гр. Г. Куденове думаетъ, однако, что Австрію можно не только спасти, но привести въ цвѣтущее состояніе, если будутъ устраниены причины ея слабости, вызывающія ея паденіе. Причины эти: „Неудовольствіе славянскихъ народовъ монархій, которые хотятъ остаться славянами и ни за какую цвѣну не желаютъ быть превращенными въ нѣмцевъ или мадьяръ — значитъ, раздражительность славянъ — несогласіе и антипатія между нѣмцами и славянами съ одной, между мадьярами и славянами съ другой стороны.“ Въ виду этого слѣдовало

народы монархіи говорятъ найбольше о славянахъ и Славянствѣ и ставятъ себя, какъ славянъ, въ противоположность къ нѣмцамъ и мадьярамъ, а затѣмъ даютъ миру съхотоворное зрелище, ибо, себираясь на славянскіе съѣзы, они принуждены говорить по нѣмецки или по французски, такъ какъ иначе не поняли бы другъ друга -- а тѣмъ они никому другому болыше не вредятъ, какъ саммы себѣ и какъ разъ славянскому дѣлу, обременяя его, къ большей радости своихъ противниковъ, проклятіемъ смѣшиности. Не пора ли славянамъ, прежде, чѣмъ они еще разъ отважутся соовать славянскій съѣздъ, по-рядочнно научиться по русски, чтобы пользоваться славянскимъ языкомъ, какъ средствомъ уразумѣнія?

Неужели найбольше русофобскіе поляки сомнѣваются въ томъ, что въ случаѣ войны съ Россіею, или даже въ случаѣ ожидаемаго ими возсозданія польского королевства, поляки, говорящіе по русски, будуть меныше полезны для польского дѣла, чѣмъ тѣ поляки, которые не изучили русскаго языка? Ни одинъ полякъ не станетъ этого утверждать, напротивъ, каждый скажетъ, что полякъ, говорящій по русски, больше пользы принесетъ польскимъ интересамъ, чѣмъ полякъ, не знающій русскаго языка.

Жиды? Они слишкомъ умы, чтобы не понимать, что означаетъ знаніе мірового языка въ жизни и съ ними я Ѵо этому вопросу не стану спорить; имъ можетъ быть

только полезно, если ихъ единовѣрцы будуть знать русскій языкъ. Впрочемъ, въ настоящее время одна треть всѣхъ жиловъ понимаетъ по русски.

Рабочіе и соціалисты? Если ихъ вожди, какъ я надѣюсь, но въ чемъ часто сомнѣваюсь, дѣйствительно желаютъ добра бѣднымъ, несчастнымъ, страждущимъ, то они обязаны имъ сказать, что означаетъ для пролетарія открытие Сибири и сѣвернаго Китая, какія области для эмиграціи имъ открываются, какая представляется случайность стать зажиточными и жить свободно, независимо, спокойно и счастливо. Кто бы еще нынѣ считалъ Сибирь ледяною пустынею, въ которой ничего нѣтъ, того я отсылаю къ брошюру М. В. Грибассова „Золотые прииски въ Сибири“ и къ недавно появившемуся сочиненію Лероа-Боліс: *La rénovation de l'Asie*. Первые 152 страницы говорятъ о Сибири. Авторъ, лично бывшій тамъ, констатуетъ, что тамъ измѣняется два миллиона квадратныхъ километровъ плодовитой земли. Число населенія Сибири достигаетъ только пяти миллионовъ, пространство-же $12\frac{1}{2}$ миллиона квадр. километровъ. Если представимъ себѣ, что всѣ люди земного шара (1500 – 1600 миллионовъ) могли бы помѣститься на площади величины боденскаго озера (540 квадратныхъ километровъ), то духъ міра не заслужилъ на упрекъ, если люди тѣхъ земель не воздѣлываютъ и тѣснятся въ городахъ, гдѣ они часто живутъ въ большей нуждѣ. Что бы, jednakъ, въ Сибири — этой житницѣ —

Китая, Афганистана, Кореи. Персія сдѣлалась нынѣ почти русскою провинцією, Афганистанъ будеть вѣроятно вскорѣ занятъ Россіею, а Англія не будеть въ состояніи этому помѣшать. Манджурія принадлежить русскимъ *de facto*, хотя не *de iure*. Сибирская желѣзная дорога увеличитъ неслыханнымъ образомъ могущество Россіи, 48 народовъ слушаются Россіи въ Европѣ и Азії! Передъ Россіею трепещутъ Турція и даже Альбіонъ, великий, могущественный, подумавши о томъ, имѣть ли Россія силу заинсировать Индію, могъ бы сказать, какъ Макбетъ — что онъ при тѣхъ соображеніяхъ „сидитъ ночью съ привидѣніями.“

Русскій языкъ — міровый языкъ! Это не только второй обиходный языкъ великаго множества азіатскихъ малокультурныхъ народовъ, это языкъ, котораго изученіе еще десять лѣтъ тому назадъ было обязательно для офицеровъ въ Австро-Угорщинѣ, языкъ, который изучали и изучаютъ великое число германскихъ и английскихъ офицеровъ, — языкъ, который больше и больше будетъ изучаться азіатами и европейцами, турками, персами, китайцами, японцами, корейцами, не менѣе какъ французами, немцами, англичанами.“

Приведши вѣсколько данныхъ, доказывающихъ распространеніе русского языка въ Европѣ и въ Азіи, авторъ говоритъ:

„Кто могъ бы мнѣ противопоставить важные поводы противъ введенія русского языка, какъ обязательного предмета въ Австро-Угорщинѣ? Воинская власти? Но опѣ,

какъ сказано, ввели въ полкахъ арміи преподаваніе этого языка, въ то время, когда предвидѣли опасность со стороны Россіи. Министерство иностранныхъ дѣлъ? Оно само иѣсколько лѣтъ тому позадъ внесло преподаваніе русскаго языка въ Восточной Академіи и сдѣлало его обязательнымъ предметомъ. Министерства внутреннихъ дѣлъ? Они поздравлять себя, если будутъ имѣть чиновниковъ, знающихъ русскій языкъ, языкъ, употребляемый въ обѣихъ частяхъ монархіи. Министерства просвѣщенія? Они будутъ рады, если граждане будутъ знать одинъ міровой языкъ больше и познакомятся съ первостепенною литературую, если они будутъ находитъся въ счастливомъ положеніи, познакомиться съ двумя великими культурными областями, съ латинскою и „греческою.“

Феодальное дворянство? Но оно и помимо этого намѣreno тѣхъ своихъ сыновей, которые не наслѣдуютъ маіоратовъ, пристроить въ арміи, въ иностранной или внутренней политической службѣ гдѣ имъ anzeigen русскаго языка принесетъ необчислимая преимущества. Партия поляковъ? Развѣ для нихъ не важно знать языкъ Россіи, если это языкъ ихъ исконнаго врага? А если бы война съ нимъ имѣла разыграться въ Галичинѣ? Или поляки и это относятся также къ другимъ славянамъ — не хотятъ ничего знать объ обязательномъ изученіи русскаго языка потому, что безъ этого они думаютъ лучше сохранить свое областное Славянство? Но точно славянскіе

му языку. Мы живемъ въ Чехіи, мы прежде всего чехи, погомъ только славяне и въ виду этого требуемъ знанія чешскаго языка вѣми чиновникамъ въ цѣломъ королевствѣ, даже въ замкнутыхъ нѣмецкихъ языковыхъ областяхъ, такъ какъ и онѣ часть земель чешской короны."

Чеху, который бы это сказалъ, можно сожалѣніемъ отвѣтить: *Lasciate ogni speranza* (Оставьте всякия надежды). Ваши надежды неисполнимы, а если вы этого не видите, то будущее, жизнь докажетъ вамъ что суровою рукою, немилосердно и беспощадно. Придетъ онъ и вы глубоко разочаруетесь. Мое убѣжденіе, которое, разумѣется, можетъ быть ложно, то, что чехамъ никогда не удастся заставить нѣмцевъ учиться чешскому языку, что чешскіе нѣмцы, будь ихъ еще меньше, чѣмъ вѣнѣ, противъ чехизации будутъ искать защиты въ Венѣ, а если ся тамъ не найдутъ, будутъ искать и найдутъ въ другомъ мѣстѣ. Это для чеховъ очень непріятно, но за тѣмъ болѣе вѣрио.

Противъ возможнаго замѣта клерикаловъ, что не было бы желательно, дабы народъ читаль русскія книжки, такъ какъ чтеніе православныхъ религіозныхъ изданій, повѣствованій о чудесахъ, чудотворныхъ иконахъ, мѣстахъ чаломничества и т. п. принесло бы вредъ его вѣрѣ, можно было вообразить, что для низшихъ классовъ населенія можно писать и печатать книги латинскими буквами, употребляемыми въ чеш-

скомъ письмѣ. Это оградило бы народъ отъ чтенія вышеупомянутыхъ изданій.

Возможенъ еще одинъ замѣтъ: Если въ осуществлениі чешскихъ требованій существуетъ для нѣмцевъ опасность чехиаціи, то такая-же опасность угрожала бы имъ исподволь, но вѣрно стать русскими. Нѣмцы, однако, не хотятъ быть ни чехами, ни русскими они хотятъ оставаться нѣмцами.

Я возражу на это: Въ русскихъ остзейскихъ провинціяхъ живутъ нѣмцы чистой воды; они все говорятъ по русски, но не перестали, по народности, быть хорошиими нѣмцами. Значительное число русскихъ государственныхъ дѣятелей и генераловъ происходило изъ остзейскихъ провинцій. Или поляки въ Россіи перестали быть поляками, коренными поляками? Сдѣлались ли они русскими вслѣдствіе того, что они обязаны говорить по русски? Не оставались ли казанскіе и туркестанскіе татаре, умѣющіе по русски, татарами?

Нѣть, знаніе русскаго языка никогда не ославянитъ нѣмцевъ. Можеть быть русскимъ удастся грубою силою и вслѣдствіе ихъ преобладанія когда-либо ославянить остзейскія провинціи и Финляндию; я думаю, однако что это имъ подобно не удастся, какъ въ Польшѣ, по у нихъ есть физическая сила къ достижению этого. Нашихъ, однако, славянъ (всехъ 19 миллионовъ, изъ этого числа 14 миллионовъ въ Австріи, 5 миллионовъ въ Угорщины), которыхъ материнимъ языкомъ никогда не мо-

живь и учить, необходимо умѣть по русски.

А мадьяры? И они должны признать, что въ случаѣ русскаго нашествія на ихъ страну ихъ положеніе будетъ болѣе выгодное, если въ Угорщинѣ будутъ многіе понимать русскій языкъ. Такъ какъ мадьярскій языкъ не міровый языкъ, то мадьяры принуждены изучать еще другіе языки, а именно каждый образованный изъ нихъ учится прежде всего нѣмецкому языку. Выгодно ли, однако, для мадьяръ, если народъ и интелигенція кромѣ марьярскаго — исключая высшее сословіе — только по нѣмецки понимаютъ и говорятъ? Согласно принципу: „дѣли и властвуй“, слѣдовало бы думать, что для правительства удобнѣе, если одна часть населенія склоняется больше къ нѣмецкому, другая больше къ русскому культурному языку...

Можно бы еще замѣтить слѣдующее: нѣмцамъ и мадьярамъ уже нынѣ тяжко поладить съ славянами монархіи, когда они, къ счастью, еще не соединены въ язычномъ отношеніи; затрудненіе увеличится и опасность усилятся, когда они будутъ связаны во едино русскимъ языккомъ. На это можно возразить, что вслѣдствіе введенія русскаго языка, какъ обязательнаго предмета обученія и какъ обиходнаго языка среди славянскихъ народовъ монархіи, не перестанутъ существовать отдельные славянскіе говоры, что поляки и чехи останутся поляками и чехами и не могутъ соединиться въ одну единицу, не могутъ

стать русскими. Области съвериныхъ и южныхъ славянъ раздѣлены географически кромъ этого пѣмецкими провинціями и Угорщиною, вслѣдствіе чего славянскіе народы никогда не могутъ образовать сплошнаго цѣлаго, какъ Германія и Италія. Въ далекомъ будущемъ могутъ образоваться три славянскія группы: чешская, польская и сербская (или хорватская); оиъ въ иѣкоторомъ родѣ существуютъ ~~и~~ щиъ. Если въ тѣхъ краяхъ будетъ введенъ русскій языкъ, какъ второй языкъ, то положеніе иславянъ вслѣдствіе этого улучшится чрезвычайно, такъ какъ никогда ихъ не сдѣласть поляками, хорватами и т. д. Но они не будутъ сдѣланы и русскими, такъ какъ русскій языкъ не вытѣснить относительныхъ славянскихъ говоровъ и никогда не станетъ материнскимъ языкомъ поляковъ, хорватовъ или чеховъ. Послѣдніе, однако, могутъ быть довольноныи, такъ какъ они будутъ въ состояніи сообщаться съ иславянами на славянскомъ міровомъ, а не на ненавистномъ имъ нѣмецкомъ или мадьярскомъ языкѣ.

Если, однако, чехи скажутъ: „Насъ не удовлетворить введеніе русского языка. Чешскій, а не русскій языкъ есть языкъ края. Мы принуждены такъ или иначе учиться нѣмецкому языку, почему же себя обременять еще русскимъ языкомъ? Мы стоимъ при всѣхъ своихъ требованіяхъ касательно чешскаго языка., Нѣмцы обязаны умѣть по чешски, а для насъ безразлично, учатся ли они кромъ этого русско-

времени черезмѣро заниматься событиями на Балканскомъ полуостровѣ. Сомнѣваюсь, чтобы мыслящая политическая Россія, русское правительство и государственные мужи изъ школы Лобанова, понимающіе значеніе „великой Россіи“, нынѣ еще иначе, какъ платонически, поддерживали панславистскую политику на Балканѣ". Тѣмъ не менѣе авторъ дочускаетъ возможность такихъ событий, которыхъ отвернуть вниманіе Россіи отъ восточной Азіи и направить его снова на Австрію. „А это — примѣръ авторъ, будь завѣтъ отъ того, какъ мы памѣрены въ будущемъ относиться къ нашимъ славянамъ“ и затѣмъ приступаетъ къ изложенію своего послѣдняго и, по его мнѣнію, самаго убѣдительнаго аргумента въ пользу введенія русскаго языка въ Австріи. Какъ я уже выше сказаалъ, Австрія — это и доказываетъ ся слабость — боится русскаго языка потому, такъ у насъ есть имъ связано нераздѣльно представление о „панславизме“. Гр. Г. Куденове, какъ настоящій австріецъ, раздѣляетъ боязнь передъ „панславизмомъ“ со всеми своими немецкими, мадьярскими и польскими соотечественниками, однако не вѣрятъ ею русскимъ языкамъ. На противъ, онъ доказываетъ, что именно съ помощью и посредствомъ русскаго языка можно предотвратить опасность „панславизма“ отъ Австріи, иначе сказавши, онъ предлагаетъ выбрать „клинь клиномъ“.

„Не одинъ, говоритъ гр. Г. Куденове, — достаточно проникнутый боязью

передъ русскими и насквозь пропитанный ненавистью къ русскимъ, станетъ кричать: „Что, наши славяне, наши иѣмцы, наши мадьяры должны учиться русскому языку? Не означаетъ ли это приготовить почву для русского завоеванія Угорщины, Галичины, Чехіи; для русского самодержавія? Не важно ли въ высшей степени славянъ германизовать или мадьяризовать, пресечь будущимъ поколѣніямъ связь, соединяющую ихъ съ славянскою матерью? Русскимъ стоило бы только открыть ротъ, чтобы въ него влетѣть жареный голубь обруссѣвшаго австрійскаго и угорскаго Славянства, Австро-Угорщина прошли бы, — вы, намѣникъ отечества, вы проводникъ русскихъ оккупационныхъ войскъ! Вы...“

„Вы видите, что я знаю возраженіе и что мнѣ не нужно его слышать отъ другихъ. Прежде, однако, чѣмъ отвѣчу, поставлю вопросъ: Какъ вы думаете, что нашимъ почетнымъ соедѣніемъ пріятливо въ Австро-Угорщинѣ: довольные ли славяне и довольные иѣмцы, или недовольные иѣмцы и недовольные славяне?

Чѣмъ больше недовольны наши словаки, сербы, чехи, словенцы, малороссы, поляки, тѣмъ больше радуется русская, панславистская пропаганда. Если бы вы были русскій панславистъ, вы бы не меньше радовались. То-же самое относится и къ иѣмцамъ; довольные иѣмцы въ Австро-Угорщинѣ не особенно милы въ Германии, такъ само какъ довольные иѣмцы въ русскихъ остзейскихъ провинціяхъ. Нужно

жетъ быть русскій языкъ (исключая, можетъ быть, 4 миллиона малороссовъ) и 11 миллионовъ немцевъ (8.500.000 въ Австріи и 2.500.000 въ Угорщинѣ), просто невозможно сдѣлать русскими, такъ какъ они сами не станутъ русскими. Австрійскій немецъ, пишущій, говорящій и читающій по руски, пріобрѣтетъ высшій уровень общаго образованія, чѣмъ немецъ въ Германіи, который не знаетъ русскаго языка. Для него станетъ открытою прекрасная богатая русская литература въ подлинникахъ, сочиненія Пушкина и Лермонтова, Толстого, Достоевскаго и Тургенева, русскій языкъ принесетъ большую пользу путешественнику и изслѣдователю въ сѣверной и центральной Азіи; некоторые области естественныхъ, филологическихъ и этнографическихъ наукъ доступны только знатоку русскаго языка, некоторые азіатскіе языки, какъ на примѣръ манжу, корейскій, грузинскій и т. д. преподаются только въ Россіи. Это относится и къ историку. О преимуществахъ, которые даетъ русскій языкъ купцу и рабочему, птицамъ и говорить. Русскій народъ — дѣйствительно великий народъ! Онъ имѣетъ великодушную литературу, онъ великъ въ музыке, поэзіи и живописи. Какое поприще для студій, для знаній и для искусства! Русская Академія Наукъ, Географическое Общество, Московское Общество естественныхъ знаній, Археологическое Общество, Лазаревскій Институтъ и многія другія ученыя Общества (смотрите: Minerva, Jahrbuch der gelehrten

Welt, Jahrgang 1899—1900) приносятъ ана-
ніямъ неоціними услуги. Какіе клады
знаній можно извлѣкать изъ Сибири! Какія
загадки знаній будуть тамъ решены! Если
наслѣдованиемъ мадьяръ удастся найти ихъ
колыбель, то экспедиціи состоятся подъ
русскимъ покровительствомъ, если когда-
либо откроются тайны буддистскихъ мона-
стырей въ Тибетѣ, то лишь благодаря рус-
скому покровительству. Знаніе русскаго
языка откроетъ австрійцу и угру новый
миръ, ибо, этого не слѣдуетъ упускать изъ
виду, сибирская желѣзная дорога и откры-
тие Россіею двери въ Китай предстаютъ
самою историческія события, которыхъ зна-
ченіе и послѣдствія могутъ быть сравнены
съ открытиемъ Америки".

Представивъ такимъ образомъ выгоды
и преимущества значенія населеніемъ Австро-
Угорщины русскаго языка, авторъ переходитъ
на чисто политическую почву, именно
на отношеніе Россіи къ славянамъ. Какъ
увидимъ ниже, онъ не можетъ освобо-
диться отъ вкоренившихся на западѣ Евро-
пы, особенно же въ Австріи и въ Германіи,
ваглядовъ на задачи и стремленія такъ на-
зываемаго панславизма. Правда, гр. Г. Ку-
деновъ, принимая во вниманіе задачи Рос-
сіи въ Азіи, говоритъ: „Кто разсчитываетъ
на владычество въ Индіи, кому у ногъ ле-
житъ Персія и Китай, кто проводить же-
лѣзную дорогу до Тихаго океана, Среди-
земнаго моря 20 столѣтія, кто въкорѣ по-
строитъ желѣзную дорогу черезъ Персію до
Персидскаго залива, у того остается мало

славянъ. Оно имѣетъ своихъ тайныхъ агентовъ въ Прагѣ, Краковѣ, Люблянѣ, Загребѣ, въ Босніи, Герцеговинѣ, Македоніи, Болгаріи, Цареградѣ. Дѣйствительно, это Общество зловѣщее, ибо оно старается обнять Австро Угорщину своими могучими раменами, охватить ее на сѣверѣ вдоль германской границы, на югѣ вплоть до Адріи, заѣти съ сербской и турецкой границѣ, чтобы, какъ орѣхъ въ срединѣ, раздѣлить шѣмцевъ и мадьяръ⁴.

Это ужасающее представление дѣятельности Славянскаго Благотворительного Общества содержитъ столько невѣриостей и преувеличеній начать съ того, что во главѣ Общества стоитъ гр. Н. Н. Игнатьевъ, а не К. Н. Побѣдоносцевъ и что авторъ, вѣроятно, считаетъ всѣхъ славянскихъ патріотовъ въ главныхъ славянскихъ городахъ „тайными агентами“ Общества, причемъ, однако, забылъ о Львовѣ, гдѣ, даже по утвержденію польско-украинофильскихъ органовъ существуетъ „московофильскій штабъ“ — что оно само себя опровергаетъ. Авторъ, однако, столь увѣренъ въ правдѣ своихъ словъ, что считаетъ величайшую задачею найти средство избавиться отъ этой „многоголовой, вездѣ проникающей гидры“⁴. Это средство онъ нашелъ, ибо говоритъ, что „обязательное введеніе русского языка нанесло бы панславизму смертельный ударъ, что русскій языкъ былъ бы тою веренкою, на которой панславизмъ удавился бы“ и въ пользу своихъ предсказаний приводитъ слѣдующіе доводы:

„Мы знаемъ изъ собственной исторіи нашей монархіи, что однозѣльному, патріотическому, жертволюбивому народу невозможно отнять его народности. Какія попытки Австрия ни дѣлала, чтобы германизовать мадьяровъ! Она пускала въ ходъ всякия мыслимые, возможныя и невозможныя средства, и чего добилась? Угорщина сдѣлалась и осталась независимою. Какіе опыты ни проводились, чтобы чеховъ передѣлать въ нѣмцевъ! И чего мы дожили? Что это несуществимое предположіе; чехи не хотятъ ничего знать о нѣмецкости. Германизація трудно дается, труднѣе всего среди славянскихъ народовъ, по поводу ихъ массы и опоры въ русскомъ государствѣ. Чѣмъ больше растетъ сила нѣмцевъ въ Австрии и мадьяръ въ Угорщинѣ, тѣмъ больша будетъ ненависть къ нимъ среди славянскихъ народовъ. Въ Чехіи ненависть къ всему нѣмецкому, включая нѣмецкій языкъ, безграницна и это можно отнести къ одной части юго славянскихъ народовъ, гдѣ еще присоединяется ненависть къ мадьярству. Эта ненависть къ нѣмцамъ и къ мадьярамъ составляетъ, однако, ежедневную пищу панславистской пропаганды и дыханіе ея жизни; если бы славяне были въ язычномъ отношеніи и по этнографіи съ нѣмцами и мадьярами уравнены, что сталось бы тогда съ панславизмомъ? Онъ жалко погибъ бы. Представимъ себѣ: панславистскій агитаторъ сербской народности приходитъ въ Хорватію, чтобы подстрекать противъ Австрии, въ Угорщину, чтобы

быть очень паническимъ, чтобы вѣрить, что немцы въ Германии любятъ насъ ради нашихъ красныхъ очей. И въ Россіи сердечно радуются, если въ Австро-Угорщинѣ недовольны какъ немцы, такъ и славяне.

Недовольные славяне въ государствѣ, однако, составляютъ опасность и то большую опасность, какъ въ Австріи, такъ и въ Угорщинѣ. Было бы неразумно и опасно германизовать или мадьяризовать славянъ насильственію, ибо такія стремленія облегчаютъ панславистскую пропаганду, направленную противъ немцевъ въ Австріи и мадьяръ въ Угорщинѣ; если бы славяне были довольны, тогда прекратилась бы и та пропаганда, ибо она была бы безцѣльна; интересованныя личности употребили бы на другія цѣли свои деньги. Возможно, что часть славянъ, напр. словаки, будутъ сдѣланы на короткое время хорошими мадьярами; если, однако, они начнутъ учиться, они рѣшатся не въ пользу немецкой, только въ пользу русской культуры, такъ какъ они вспомниутъ о своемъ происхожденіи.

Какимъ образомъ могло бы всеобщее знаніе русского языка въ Австро-Угорщинѣ проложить дорогу русскимъ завоевателямъ? Вышло бы какъ разъ противоположное, если бы та опасность вообще существовала. Не важно ли въ высшей степени знать языкъ врага? Не ввело ли военное управление, правильно оцѣния это преимущество, десять лѣтъ тому назадъ обязательное обученіе русскому языку для всѣхъ офицеровъ? Желаемъ ли мы это знаніе

доставить только офицерамъ, не важно и не полезно ли оно такъ-же для подофицеровъ?“

Какъ известно, наибольшее пугало для многихъ австрійцевъ — „Славянское Благотворительное Общество“ въ Петербургѣ. Этотъ „страхопудъ“ для нѣмецкихъ и мадьярскихъ воробьевъ въ славянской ишеницѣ представленъ авторомъ какъ самый опасный противникъ Австро-Угорщины. Гр. Г. Куденове передаетъ въ сжатомъ видѣ, по брошюре Ф. Шитца: *Das heutige Russland*, исторію возникновенія славянофильской партіи и „Славянского Благотворительного Общества“ въ Петербургѣ и приписываетъ ему слѣдующую роль:

„Это Общество стремится нынѣ соединить всѣхъ славянъ подъ владычествомъ Россіи на лонѣ православной церкви. Душою всего считается Побѣдоносцевъ, обер-прокуроръ св. Синода. Это соединеніе, однако, невозможно, какъ долго австрійскіе поляки относятся враждебно къ Россіи, какъ долго нѣмцы въ Чехіи и мадьяры въ Угорщинѣ не подавлены окончательно, какъ долго хорваты и словѣнцы ничего не хотятъ знать о благодѣяніяхъ православной церкви. Для достиженія тѣхъ цѣлей должна бы пасть династія Габсбурговъ и тогда только могъ бы панславизмъ водрузить свое знамя на развалинахъ германізма и мадьяризма. То „благотворительное“ Общество работаетъ съ помощью платныхъ агентовъ среди австрійскихъ и угорскихъ славянъ, какъ также среди болканскихъ

ми славянскими языками, онъ въ то же время міровый языкъ, единственный славянскій всесвѣтный языкъ, единственный языкъ славянъ, знаніе котораго полезно каждому образованному человѣку, даже австралійцу и южно-американцу.⁴

Указывая на языкъ „урду“ (индостани), который англичане признали официальнымъ языкомъ въ восточной Индіи, не смотря на то, что это языкъ бывшаго двора въ Дели и самого опаснаго для англичанъ населения и выраживъ надежду, что русскому языку будетъ предоставлена также роль въ Австро-Угорщинѣ, авторъ старается разсѣять боязнь передъ русскимъ языкомъ и передъ русскою азбукою слѣдующимъ образомъ:

„Англичане не боятся — они именно англичане, мы же иѣть — они не боятся, хотя „урду“ пишется арабскимъ алфавитомъ, тѣмъ самымъ алфавитомъ, который приняли все магаметанскіе народы, тѣмъ письмомъ, съ которымъ мысль обѣ иселамъ такъ связана, какъ мысль о православіи съ кириллицею и еврейскія буквы съ жидаствомъ. А все-таки они не боятся, развиваются этотъ языкъ и распространяютъ его. Они именно англичане, мы же иѣть! У насъ многие люди дрожатъ при одномъ словѣ „Россія“, „русскій“ и крестятся при видѣ кирилловскихъ буквъ. Мы именно не англичане.

Введеніе русскаго языка въ Австро-Угорщинѣ, какъ обязательнаго предмета, вызвало бы а это больше всего порадо-

вало бы меня — возмущение и крикъ негодованія среди панславистовъ въ Россіи. Довольные, по russки говорящіе, свободные, равноправные "славяне въ Австріи! Ужасный ударъ грома для гг. Побѣдоносцева и Сотр. Тѣ russkіе, однако, которые сочувствуютъ расширѣнію своего языка, какъ великаго международнаго мірового языка, какъ языка втораго по могуществу государства въ мірѣ, вѣдь, которые желаютъ видѣть russкую имперію въ новомъ, просвѣщенномъ образѣ, возликуютъ и справедливо. Я бы, однако, хотѣлъ видѣть тѣхъ изъ "святой" Россіи и ихъ киелыя лица! Раны, которыя они нанесли Австріи и Угорщинѣ своимъ подстрекательствами съ помощью "russкаго", читай: единосчаstельного привославія, зажили бы сразу нелѣдствіе введенія великаго russкаго мірового языка."

Въ такомъ тоиѣ авторъ продолжаетъ доказывать на цѣлыхъ страницахъ своего труда необходимость принятія его предложенія и заявляетъ между прочимъ:

"Панславизмъ, сраженный кощемъ russкаго мірового языка, упадетъ. Австрія вздохнетъ облегченно, предовсѣмъ, однако, тяжко загражденная Угорщина. Успокоится бурное море, бывшее волнами о скалу, гдѣ сыны Ариада, предоставленные самимъ себѣ, ждали гибели; вздохнетъ также каждый разумный russкий, желающій Россіи величія, однако не исповѣдующій фанатическаго принципа, что Россія получила для борьбы съ германізмомъ и мадьяризмомъ божеское

возбуждать противъ мадьяръ и приготвлять умы для русскаго завоеванія. Этотъ сербъ начинаетъ свою рѣчъ по сербски. Какъ, однако, былъ бы ошеломленъ нашъ agent provocateur, если бы австрійскій или угорскій сербъ отвѣтилъ ему на чистѣйшемъ московско-русскомъ языке, что онъ не понимаетъ, чего пропаганда хочетъ, такъ какъ русскій языкъ, искусство, музыка, литература въ обѣихъ половинахъ имперіи распространены и изучаются, точно такъ, какъ иѣмецкая и мадьярская. Agent provocateur былъ бы тогда принужденъ выступить съ существеннымъ предметомъ, съ единосасительнымъ православиемъ. Если, однако, эта церковь въ Австро-Угорщинѣ могучая и свободна, если Австрія и Угорщина выставятъ, какъ высочайший принципъ, ту великую, возвышенную вѣротерпимость, которую могущественная Англія соблюдаетъ въ Индіи, то онъ получитъ отвѣтъ, что рѣшительно непонятно, чего собственно онъ хочетъ⁴.

Гр. Г. Куденове признаетъ и признаеть, однако, что въ Австро-Угорщинѣ славяне не пользуются равноправностью съ иѣмецами и мадьярами и поэтому онъ справедливо говоритъ:

„Монархія похожа въ настоящее время на столь съ двумя только ногами, она идетъ на ветрѣчу величайшимъ опасностямъ, если она не позаботится оставить славянскимъ народамъ неприкословенными: ихъ славянскій характеръ, ихъ славянскіе обычаи и нравы, языкъ и все то, что мнимо

приналежить ихъ национальности, особенно же, если она будетъ продолжать насильственное вынуждение, германизацию и мадьяризацию. Такая система германизации и мадьяризации подсъщаетъ ненависть, питаетъ панславизмъ и чѣмъ разъ больше будетъ приводить къ тому, что наши славяне предательски будутъ взывать о помощи.... Неудовольствіе австрійскихъ и угорскихъ славянъ составляетъ *raison d'être* панславизма; оставимъ-те славянъ славяниами и можемъ биться обѣ закладъ, что панславизмъ потеряетъ почву подъ ногами. Въ противномъ случаѣ славянскіе народы, вслѣдствіе неудовольствія, соединятся даже политически, не смотря ни на какія препятствія, какъ соединились нѣмецкіе народы въ нѣмецкомъ государствѣ подъ скипетромъ Гогенцоллерновъ, итальянскіе подъ скипетромъ дома Савойскаго; но тогда нѣмцы и мадьяры будутъ раздавлены. Однимъ словомъ, славяне, находящіеся подъ опытомъ превращенія въ нѣмцевъ или мадьяръ, представляютъ величайшую опасность, какъ для общихъ половинъ имперіи въ отдельности, такъ и для имперіи вообще. Съ другой, однако, стороны наше государство не можетъ дать всѣмъ семи славянскимъ народамъ монархіи равныхъ язычныхъ права. Если славяне хотятъ пользоваться язычными правами, какъ славяне, то они должны избрать одинъ славянскій языкъ для взаимного уразумѣнія; что это можетъ быть только русскій языкъ, на это не нужны доказательства. Онъ — князь между всѣми

щее и возможность присоединения еще другихъ народовъ къ австро-угорской монархіи. Великий, свободный союзъ державъ, однако, не свободнѣе того, который связываетъ Австро-Угорщиною, — вотъ цѣль, лежащая въ области возможности, разумѣется, никакъ и никогда силою, ибо это могло бы намъ выйти во вредъ, только если мы предоставимъ народамъ и народностямъ такія преимущества, и поставимъ ихъ въ такое положеніе, что присоединеніе ихъ къ намъ принесетъ имъ больши пользъ, чѣмъ ихъ отдѣльность. Австро-Угорщина можетъ увеличиться и процвѣтать, но лишь въ томъ случаѣ, если она рѣшится стать великимъ торговымъ государствомъ⁴.

Вотъ основныя мысли предложенія гр. Г. Куденове. По его мнѣнію осуществленіе этого предложенія могло бы решить австро-угорскую загадку, попытки къ решению которой завалили столько министерствъ, стоили столько времени, денегъ, умственнаго напряженія, словъ, чернилъ, а также довольно много крови. Предложенію гр. Г. Куденове, усмирить национальные споры въ Австро-Угорщинѣ, удовлетворить и задобрить ея народы — посредствомъ русскаго языка, нельзя отказать въ оригинальности и чѣмъ смѣлости. Офиціальная Австро-Угорщина дрожитъ передъ русскимъ языкомъ, видя въ его распространеніи въ державѣ успехъ панславизма и его мирного завоеванія — гр. Г. Куденове видитъ въ принятіи русскаго языка, какъ втораго государственного языка, не только вѣроис-

средство къ успешному умиротворенію национальныхъ споровъ, но панацею, могущую оградить Австро Угорщину передъ „зловѣщимъ“ панславизмомъ. Судя по тому, что гр. Г. Куденове видитъ будущее и процвѣтаніе Австро - Угорщины въ ея преобразованіи въ торговое государство, слѣдовало бы думать, что для такого государства лучше всего подходилъ бы языкъ „торговыхъ людей“, жидовскій жаргонъ. Вѣдь въ Австро Угорщинѣ жиды горою! Гр. Г. Куденове предлагаетъ, однако, русскій языкъ, какъ единственное условіе процвѣтания Австро Угорщины. Что это доказываетъ? Что гр. Г. Куденове видитъ растущую силу австро-угорского Славянства и понимаетъ нынѣшнее и будущее значеніе русского языка и русского народа. Онъ убѣдился, что славяне раньше или позже примутъ русскій языкъ, какъ языкъ взаимнаго общения между собою, но такъ какъ этотъ языкъ въ настоящее время составляеть въ Австро-Угорщинѣ „запрещенный товаръ“, то гр. Г. Куденове опасается, чтобы подъ его ярлыкомъ и вмѣстѣ съ нимъ не проникла и „панславистская“ пропаганда. А такъ какъ иѣть возможности остановить распространеніе русского языка въ Австро-Угорщинѣ, то не разумѣве ли благодѣтельствовать имъ населеніе деркавы со стороны правительства, т. е. открыть для него двери на стежъ, но одновременно поставить его подъ правительственный надзоръ? И правительство окажется великодушнымъ и заботливымъ о нуждахъ славянъ.

посланичество, вслѣдствіе чего оно чудесно остается побѣдительницей."

Затѣмъ авторъ опять указываетъ на мудрую политику англичанъ въ Индіи, которые, руководствуясь принципомъ: „Миъ нужна твоя вѣрность, въ твоей любви я не нуждаюсь," позволяютъ магаметанамъ молиться за турецкаго султана, какъ главу всѣхъ мусулманъ и спрашиваетъ: „Что, однако, сдѣлали бы наши власти въ Австріи или Угорщинѣ, если бы въ греко-православной церкви была вознесена молитва за Николая Александровича, всероссійскаго императора?" Онъ и отвѣчаетъ тутъ же: „Я полагаю, что ёсть ими случился бы ударъ! Они думали бы, что уже проопала вся имперія!" Но тѣ — замѣчаѣтъ далѣе саркастически гр. Г. Куденовъ — англичане! Какое однако, поученіе мы можемъ вывести изъ этого? Совсѣмъ простую истину! Съ помощью чудодѣйственной силы справедливости и свободы можно дѣлать чудеса и воспитывать гражданъ, вѣрио преданныхъ государству безъ малѣйшаго слѣда любви, изъ чистаго разумнаго эгоизма."

Вконцѣ первой части своего труда, посвященнай русскому языку — вторая часть, относящаяся къ антисемитизму, не представляеть для насъ большаго интереса — авторъ такъ разсуждаетъ: „Если мы будемъ къ славянамъ въ каждомъ направленіи справедливо относиться, если мы оставимъ ихъ славянами и не станемъ ихъ принуждать превратиться въ пѣнцевъ или поляковъ, если мы дадимъ имъ свободу въ

англійскомъ смыслѣ, тогда панслависты могутъ дѣлать что имъ угодно, они могутъ проповѣдывать, миссіонерствовать, говорить, писать, молиться что и за кого пожелають, и мы можемъ быть спокойны не только потому, что они (славяне) не отложатся, напротивъ, они привлекутъ еще другіе славянскіе народы. Почему же не могъ бы возникнуть изъ когда то одноцѣльной, нынѣ дуалистической монархіи, великій могущественный союзъ державъ изъ десяти и больше народовъ?"

Гр. Г. Куденове не говоритъ, которые новые народы на очереди ихъ привлечения къ Австро-Угорщинѣ. Отмѣтивъ, однако, еще въ началѣ своего труда, что „по ново-ду мозаичнаго національнаго состава нашей монархіи ни одна война съ какой-бы то ни было великою европейскою державою не возбудить у нашихъ народовъ всеобщихъ, патріотическихъ симпатій“, вслѣдствіе чего „Марсъ намъ ничего не подаритъ, Венера же не даетъ уже больше королевствъ“, въ виду чего Австро-Угорщина слѣдуетъ обратиться къ „Минервѣ богинѣ знанія и къ Меркурію, богу торговли“ — авторъ до того увлекается возможностью увеличенія Австро-Угорщины новыми народами, что будущее ея представляется себѣ въ слѣдующемъ видѣ:

„Отъ способа, какъ наше правительство будетъ относиться къ славянамъ и ихъ удовлетворить, какъ ровно-же отъ положенія, какое мы намѣрены занять въ виду православной церкви, зависитъ наше буду-

Бълия Россіи Самодержца въ лѣто отъ Р.
Хр. 1700^а и что „о постѣлѣ чрезъ поль-
пятъста лѣтъ престолъ Переяславскій от-
новленъ, построенъ, наданъ и уврашенъ
всѣмъ коштомъ „Испевельможнаго
егомосци Іоанна Мазена Гетмана
и войскъ Его Царскаго Пресвѣтлѣйшаго
Величества Запорожскихъ!“ Слова: „Испевельможнаго егомосци Іоанна Мазена Гет-
мана“ зачеркнуль какой то неизвѣстный
русскій патріотъ, не желавшій, видимому,
дабы имя измѣника находилось на свя-
щенномъ предметѣ, обыкновеннымъ черни-
ломъ такъ, что только съ трудомъ можно
ихъ прочитать. Когда миѣ было восемь или
десѧть лѣтъ, я однажды слышалъ, какъ моя
мать называла одного крестьянина, обманув-
шаго се, „Мазеною“. Тогда я не понималъ
значенія этого слова, но оно врѣдалось миѣ
въ память и я понялъ его смыслъ впослѣд-
ствіи, когда прочиталъ исторію Петра Ве-
ликаго и „Полтаву“ Пушкина. Упомянутые
три факты, особенно посѣдній, случившій-
ся не въ Россіи, но въ Галичинѣ, въ селѣ
Жолковскаго повѣта, доказываютъ, какую
злую память оставилъ по себѣ Иванъ Ма-
зена и какъ глубоко его злодѣяніе вѣдри-
лось въ преданіе русскаго народа, если и-
мя Мазена служить у него до сихъ поръ
браний кличкою. И кто изъ русскихъ, будь
онъ изъ „Великія Малыя или Бѣлыя Ross-
eiv“, могъ бы предполагать, что Мазена,
жившій и „приславившійся“ измѣной въ 18
вѣкѣ, еще на грани 19 и 20 вѣковъ най-
деть послѣдователей и подражателей?

А однакъ они появились и даютъ о себѣ знать. Иправда, они не малороссійскіе гетманы, даже не сотники и не эсаулы славетнаго запорожскаго войска, только „ни-
сари-мазайлы“, сочиняющіе на пуды и килограммы „русько-украинську“ прозу и пи-
шущіе на версты и километры длинныя по-
эмы, имѣюція составить основаніе для са-
мостоятельной „русько-украинской“ лите-
ратуры и для такого-же самостоятельнаго
народа; они, можно сказать, пигмени въ
сравненіи съ Мазеной, годные ему развѣ въ
„чуры“, тѣмъ не менѣе они стараются ему
подражать и, вѣроятно, ждутъ второго
Карла XII, чтобы предложить ему свои
услуги.

Если не ошибаюсь, слово „мазепинцы“, уже своимъ происхожденіемъ опредѣ-
ляющее содержащееся въ немъ понятіе, появилось у насъ, въ Галичинѣ, около десяти
лѣтъ тому назадъ, именно тогда, когда гр.
К. Бадени стала подновлять тряпье по-
рванной Хмельницкимъ Люблинской унії и
когда, въ такъ называемую „новую эру“,
единицы изъ среди галицкихъ малороссовъ,
кто за „семь пленей“, кто за депутатскій
мандатъ, кто за „повышеніе“ въ чинѣ, начали
играть въ виду русскаго населенія
Галичины роль Кисѣлей, въ которыхъ рус-
скомъ мясъ и костиахъ сидѣла польская
душа, роль Орликовъ и Мазенъ. Къ днімъ
и прилипла кличка „мазепинцы“, произве-
денная отъ Мазены, какъ болѣе Кисѣля и
Орлика известнаго и явнаго изг҃ѣнника
русскому народу. До сихъ поръ, однако,

внъ, и заманчивый вкусъ „запрещенного плода“ прошадеть.

Принесетъ ли предложеніе гр. Г. Куденове какую-либо практическую пользу? Безъ сомнѣнія. Оно притупить острѣ страха передъ русскимъ языккомъ въ Австро-Угорщинѣ, а главно поддержитъ славянъ, требовавшихъ и раньше введенія русскаго языка, какъ обязательнаго предмета преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ. Поляки и украинофилы будутъ „фыркаться“, но нынѣ уже русскій міровый языкъ похожъ на природу: „Гони природу въ дверь, она лѣзть окномъ“. Приметъ ли Австро-Угорщина предложеніе гр. Г. Куденове или нѣтъ, поможетъ ли русскій языкъ нашей державѣ или нѣтъ, одно вѣрию, что славянамъ уже не обойтись безъ него, что черезъ нѣсколько лѣтъ народы Австріи сами дадутъ ему право гражданства у себя.

Мазепинцы.

Заворушились по-надъ Дніпромъ пьяници,
Мазепині сыны, Хмельницкого унукі
Почули свіжку кровь сі людожерні птиці,
Химерні ідолы химерної науки.

П. А. Кулішъ.

Еще недавно во всѣхъ церквахъ Россіи, въ „недѣлю православія“, священно-дѣйствующіе провозглашали „анаѳему“ всѣмъ вѣроотступникамъ, кажется, отъ Юліана апостата начавши, и всѣмъ измѣнникамъ отечества, въ числѣ послѣднихъ и Ивану Мазепѣ. Въ музѣи Ставропигійскаго Института во Львовѣ находится изъ простого деревенскаго полотна „антиминсъ“, надпись на которомъ, написанная кириллицею не искусною рукою, свидѣтельствуетъ, что онъ освященъ „православнымъ Божію милостію епископомъ Переяславскимъ коадьюторомъ Митрополіи кіевской, игуменомъ монастыря Терехтеміровскаго и Конивскаго Куръ Захарію. Во сїе на немъ сищеподѣйствовать Божеєгвеннуу літургію въ храмѣ Святителя Христова Николая въ градѣ Золотоношѣ“ (нынѣ уѣздный городъ кіевской губерніи). Та-же надпись говоритъ дальше, что „се же бысть при державѣ Пресвѣтлѣйшово и Благочестивѣйшого Государа нашего Царя и Великого князя Петра Алексеевича и Всєя Велїкія и Малія и

опредѣлить ея значеніе съ филологической, политической и психіатрической точекъ зрењія. Начну съ филологии.

Согласно евангельскому изречению: „Языкъ твой явѣ тя творить“, можно сказать съ всею положительностью, что брошюра написана не галицкимъ, только россійскимъ украинофиломъ. Языкъ галицкаго украинфила рѣзко отличается отъ языка россійского украинфила. Они оба стараются писать, дабы придать своему языку „самостоятельность“, елико возможно не по русски: въ то время, однако, когда галицкій украинфиль весь общерусскія выраженія заступаетъ польскими и его слогъ переполненъ польскими и нѣмецкими періодами, россійскій украинфиль, обыкновенно не знающій польского и нѣмецкаго языковъ, заступаетъ общерусскія выраженія — испантованными произведеніями собственной филологической кузницы, не рѣдко до того чудовищными, что даже галицкіе украинфилы лѣваутъ изъ кожи вонь, чтобы ихъ понять; кроме этого слогъ россійского украинфила, можетъ быть даже противъ его желанія, въ общемъ русскій. Не говорю уже о томъ, что между галицко-русскимъ и украинско-русскимъ народными говорами существуетъ замѣтное различие и что многія мѣстныя украинскія слова и выраженія непонятны для галичанъ, галицкія же непонятны для украинцевъ. Брошюра „Самостійна Україна“ испещрена непонятными для галичанъ, неупотребляемыми въ Галичинѣ и просто вы-

кованими выраженими. На пр. у насъ не употребляютъ и отчасти не знаютъ словъ: „гострый“, „необхідный“, „конъ“, „знесилюватися“, „туболець“, „навиаки“, „суцільний“, „зразокъ“ (въ смыслѣ „образецъ“), „грабівницькій“, „заждений“, „высокруе“, „щерть“, „зебельшій“, „бадорый“, „гидовать“, „стerno“, „одесахнутися“, „матірка“, (въ значеніи „мать“), „бурхливо“, „жахлякъ“, и т. д. Авторъ брошюры изощрилъ, однако, всю свою изобрѣтательность на ковку новыхъ словъ и въ семъ отошенніи показалъ себя незауряднымъ мастеромъ. Вместо „иностранный“ онъ выдумалъ „надвірный“, вместо „вооруженный“ — „уоружный“, вместо „прекратити“ — „перекоротити“, вместо „ошибочность“ — „шомилковість“, вместо „отсутствіе“ — „відсутність“, вместо „разновидность“ — „ріжноманітність“, вместо „противоположный“ — „супротилежный“ и т. д. Кромѣ того авторъ брошюры въ аналитической степени пользовался и польскимъ языкомъ для выражения своихъ мыслей на „русько-украинскомъ“ языкѣ, о чёмъ свидѣтельствуютъ такія слова, какъ: „умова“ вместо „условіе“, „пістнованіе“, вместо „существованіе“, „незалежність“ вместо „независимость“, „обурение“ вместо „возмущеніе“, „відраза“ вместо „отвращеніе“, „підстава“ вместо „основаніе“, „засада“ вместо „начало-принципъ“, „агідно“ вместо „согласно“, „спадкоемець“ вместо „наслѣдникъ-преемникъ“, „ганебный“ вместо „позорный“, „освічена“ вместо „просвѣщенная“, „протягъ“ вместо „продолженіе-тече-

„мазепинцы“ на всемъ протяжествѣ южной Руси прятались за малорусское нарѣчіе, за Котляревскаго и за Шевченка, однимъ словомъ, стояли для свѣта и людей на безобидной литературио-этнографической почвѣ сепаратизма. Въ Галичинѣ эта игра въ прятку имъ, однако, не всегда удавалась. Бывали случаи, когда „мазепинцы“ волей-неволей были принуждены стать открыто или по сторонѣ русского населения или по сторонѣ верховодящей польской политической партии стаичиковъ, а тогда и оказывалось, что ихъ отъ русского народа отдѣляютъ не литература и этнографія только политика. Такъ какъ, однако, галицкіе украинофилы находились въ постоянной связи и безпрерывныхъ сношеніяхъ съ украинофилами въ Россіи, „мазепинцы“ же выставляли и выставляютъ себя передовыми украинофилами, то на видъ, особенно же въ виду Россіи, по легко понятнымъ причинамъ, украинофильство старалось сохранять литературио-этнографической характеръ. Еще въ 1898 году одинъ изъ галицкихъ украинофиловъ, г. О. Маковей, старался очистить своихъ единомышленниковъ отъ подозрѣній въ политическихъ замыслахъ, написавши въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (н-ръ 292 отъ 24 октября (5 ноября) 1898 г.) слѣдующее:

„Существовало опасеніе, что малороссы хотятъ оторвать Украину отъ Россіи или, по крайней мѣрѣ, помочь въ этомъ полякамъ. Въ настоящее время продолжительные разговоры на тему русско-поль-

скихъ отношений показали, что поляки и не думаютъ отрываться отъ Россіи. (Гдѣ это показано? Привѣчаніе автора предлежащей статьи), — значитъ, повидимому, не нуждаются и въ помощи малороссовъ. А подозревать малороссовъ, что они сами думаютъ оторваться отъ Россіи — это просто дѣтская выдумка⁴.

Нынѣ г. О. Маковей не могъ бы уже такимъ очистительнымъ отрицаніемъ надуть „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, такъ какъ „мазепинцы“ сами себя выдали. Повторяю, „мазепинцы“ сами себя выдали для того, чтобы уже впередъ оградить себя отъ клеветническихъ обвиненій въ доносительствѣ на „ни въ чёмъ неповинныхъ украинофиловъ“. Они выдали себя и сбросили маску, выпустивъ надняхъ брошюру: „Виданіе Р. У. П. — ч. 1. „Самостійна Україна.“ Промова. Ціна 20 сот. Львів 1900. Видав Е. Косевич. З Друкарні Уділової ул. Ліндого ч. 8. стр. 22.“ Такъ какъ всякое публичное произведение подлежитъ публичному осужденію, то и упомянутая брошюра, изданная, какъ свидѣтельствуютъ кабалистическая буквы „Р. У. П.“, т. е. „русько-украинською партією“, и ея авторы должны быть привлечены предъ судъ общественного мнѣнія.

Брошюра „Самостійна Україна“ состоитъ изъ двухъ главъ, но она представляетъ тройный интересъ: для филолога, для политика и для психіатра. Не нужно быть специалистомъ по отраслямъ этихъ знаний, чтобы сразу, послѣ прочтенія брошюрки,

„угнетенный“ народъ. Онъ плачется именно, что для „нашої нації“ еще не наступило „пятое дѣйствіе драмы“, что она переживаетъ еще антрактъ, начавшийся — когда бы мы сказали? — еще въ 1654 году, когда „украинская республика соединилась политическою унією съ московскою монархією“. Съ того времени, по мнѣнію автора, украинская нація политически и культурно гибнетъ, старая форма жизни исчезаетъ, республиканская свобода пропадаетъ, нація обезсилияется. Вслѣдствіе чего однако? Авторъ говоритъ, что по той причинѣ, что „москали“ не соблюдаютъ „переславльскихъ статей“, или, какъ онъ ихъ называетъ, „переславльского контракту“, заключенного между Хмельницкимъ и московскимъ царемъ, Алексѣемъ Михайловичемъ, въ силу котораго Украина должна была сохранить автономію въ своемъ управлениі. „Москали“, — по увѣнію автора, — поступаютъ такъ, какъ будто бы „наша нація“ отказалась отъ своихъ державныхъ правъ; они „распоряжаются на території бывшей украинской республики, какъ бы въ только что завоеванной странѣ“; они „высаживаютъ послѣднія силы, вырываютъ лучшихъ борцовъ, обираютъ съ послѣдняго грона бѣдный народъ“; законъ отъ 17 мая 1876 г. наложилъ запрещеніе на языкъ преемниковъ переславльской „конституціи“ и онъ изгнанъ изъ школы и суда, церкви и администраціи. Потомки Навлука, Косинского, Хмельницкаго и Мазепы лишены права иметь свою литературу, свою печать;

„даже самъ Богъ, — восклицасть авторъ, — сдѣлался чужинцемъ и не умѣеть „украинской мови“!... Въ виду всего этого и еще кое-чего — ибо авторъ разговорился безъ конца и мѣры, — сторонники „Переяславльской конституції“ „зійшлися до куни“, рѣшили, что „единая недѣлимая Россія“ для нихъ не существуетъ и „хай наиваки логиці подій“, т. е. пусть вонре-ки логикъ фактовъ, вынесали на свое-смъ знамени: „Одна, едина, нероз-дільна, вільна, самостійна Украї-на від гір карпатських аж по кав-казьки!“

Какъ, однако, достичь этого идеала? Авторъ рѣшаетъ этотъ вопросъ такъ-же просто и легко, какъ его поставилъ; онъ самъ ставить себѣ аргументы и самъ ихъ опровергаетъ. На аргументъ, что Украина никогда не была самостоятельною держа-вою и что вслѣдствіе этого у нея нѣть „и-сторическихъ традицій“, онъ возражаетъ: „Въ продолженіе всего времени своего и-сторического существованія, „наша нація“ съ величайшими усилиями старается вы-литься въ форму самостоятельной и неза-висимой державы. Если даже оставить на сторонѣ удѣльный періодъ, когда отдель-ныя вѣтви „нашої нації“ составляли от-дельные державы, то передъ нами высту-паетъ литовско-русское княжество, где ген-ій нашего народа былъ культурнымъ фак-торомъ, главно-же галицко-русское коро-левство, и „спробунокъ“ (попытка) соеди-нить все вѣтви, все вѣтки нашего народа

віе“, „рухъ“ вмѣсто „движеніе“ и т. д. Для того, чтобы разобраться въ этомъ „русько-украинско-польскомъ“ салатѣ съ прыщью вполиѣ „самостійныхъ“, ибо авторомъ, должно быть, въ „родильныхъ боляхъ“ произведенныхъ словъ, нужно имѣть порядочный запасъ терпѣнія. Прочитавши уже пѣсколько килограммовъ подобныхъ произведений и, благодареніе Богу, безъ вреда для своего умственного и тѣлеснаго благополучія, я два раза прочиталъ „Самостійну Україну“ — за одинъ разъ никто не имѣетъ состояніи одолѣть филологическія затрудненія и понять психоцническія измышленія автора — и могу передать ея содержаніе, а тѣмъ самымъ коснуться политической стороны оговариваемаго предмета.

Вооруженія восстанія армянъ, крестьянъ-грековъ, кубанцевъ и буровъ, „гостра боротьба“, т. е. острыя борьбы угнетаемыхъ народовъ Австріи, Россіи и Турціи противъ владѣющихъ народовъ, а наконецъ вооруженные силы державъ внущили автору „Самостійной Україны“ мысль, что „всемирный национальный вопросъ“ уже дозрѣлъ, что уже начался „пятый актъ великой исторической трагедіи“, называемой „борьбою национальностей“ и что уже приближается его окончаніе. Авторъ, къ сожалѣнію, не поясняетъ, что такое „всемирный национальный вопросъ“ и какое отношеніе имѣеть къ нему война буровъ съ англичанами, вызванная вовсе не национальнымъ вопросомъ; онъ не говоритъ также ничего о первыхъ четырехъ

дѣйствіяхъ „великой исторической трагедіи“ именно, въ чемъ они состояли и когда и кѣмъ были сыграны, только утверждается, что націи, возставшія противъ чужого владычества, показали „единственно возможный, вѣрный и успешный путь“ къ разрешенію „всемирнаго национального вопроса“ и что этотъ путь — противный Гаагской конференціи.

Значить — война! Да, война, но кого съ кѣмъ? Не буровъ съ англичанами, не кубанецъ съ американцами, не немцевъ съ чехами, только — „украинцевъ“ — съ Россіею и Австро-Угорщиною. Авторъ поясняетъ возникновеніе этого ужаснаго па видъ вопроса слѣдующимъ образомъ: Прежде всего онъ удостовѣряется, что „наш народ“, т. е. „русько-українській“ народъ находится въ положеніи „зрабованої нації“. Что означаетъ это выраженіе?

Принявши во вниманіе, что слово „зрабованный“ происходитъ отъ немецкаго гаупт, а гаупт означаетъ „похитить“, „грабить“, выраженіе „зрабована нація“ не вполнѣ понятно; оно означало бы, что Россія и Австрія — „похитили“ у кого-то третьего, въ данномъ случаѣ у Польши, „наш народ“. Авторъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать „угнетенная“ нація, но испугался „московскаго“ слова и употребилъ немецкое, благо онъ, можетъ быть, штундистъ, а штундисты переняли отъ немцевъ не только вѣру, но и многія немецкія выражения. Изъ дальнѣйшаго текста дѣйствительно выходитъ, что авторъ имѣлъ на мысли

отъ костей нашихъ. Тогда украинскій народъ сильнымъ и могучимъ размахомъ породилъ новую интелигенцію. Эта вторая приняла русскую національность въ теченіе XVIII и XIX вв. и весь тѣ Безбородки, Прокоповичи, Яворскіе, Прощинскіе, весь тѣ Гоголи, Грибичи, Поташенки, Королевки — въ „имъ же имѣть числа“ — весь они наша кровь. Народъ опять остался безъ интелигенціи, интелигенція оставила его въ самое тяжелое время его существованія.“

„Это были такія двѣ потери, — говорить дальше авторъ, — что трудно найти имъ парные въ исторіи какой-нибудь другой націі. Однако украинскій народъ нашелъ въ себѣ довольно силы, чтобы среди самыхъ тяжелыхъ политическихъ, экономическихъ и вакцинальныхъ обстоятельствъ образовать себѣ новую, третью интелигенцію. Эволюція украинскаго интеллигента третьей формациіи еще не закончилась, но характерная его черта — служение своему собственному народу, отразилась въ немъ съ полною силой. Если же третья интелигенція имѣеть органическую связь съ украинскою нацією, если она заступница украинскаго народа, единственное сознательная часть украинской націи, то „стерьно“ (отъ польскаго ster, а это отъ немецкаго Steuer — корыто) національного корабля слѣдуетъ ей. Этимъ не сказ и, будто масса украинскаго общества не имѣеть ничего общаго съ постѣднею формациєю своей интелигенціи — украинская интелигенція есть само общество въ миниатурѣ,

стремленія общества это — стремленія интелигенції, порывы интелигенції — это порывы и симпатіи всего общества.⁴

Прочитавъ приведенную характеристику украинской интелигенції первой, второй и третьей формаций (авторъ, повидимому, придерживался учения о формации земного шара) приговоръ третьей формации, что первыя двѣ — сбродъ измѣнниковъ, читателю навѣрно придется на мысль вопросъ: Куда же дѣвались: Котляревскій, котораго считаютъ родоначальникомъ украинской литературы, вѣроятно за то, что осмѣялъ въ „Эпендѣ“ до нитки козачество и своихъ земляковъ; куда украинскіе интеллигенты третьей формации дѣвали симпатичнаго Квѣтку-Основяненка; куда дѣвились члены Кирияло-Меодіевскаго братства; куда знаменитый историкъ Костомаровъ; куда почти геніальный, но вѣчно мятущійся „патріархъ“ украинофильства Кулишъ; куда Вас. Бѣлозерскій, Гребенка, Кухаренко, Артемовскій-Гулакъ и куда, таконецъ, великий прѣвѣцъ народнаго горя и борьбы малорусскаго народа съ ляхами-угнетателями, Щевченко? Неужели они — не украинскіе интеллигенты или также измѣнники?

Авторъ „Самостійной Украины“ отводить и для нихъ мѣсто въ своемъ трудѣ, и мѣсто довольно таки пошлое. Онъ отличаетъ одного Щевченка, а о другихъ, украинцахъ говоритъ: „Щевченко не поняло ни его собственное поколѣніе, ни близкіе къ нему. Когда Щевченко сложилъ страданіями и смертью освигтилъ путь борьбы за поли-

въ одной державѣ, - попытка, повторенная значительно позже Богданомъ Хмельницкимъ и еще разъ - Иваномъ Мазепою⁴. Чувствуя, однако, что все это ни мало не доказываетъ исторической самостоятельности „Украины“, авторъ „ничто же сумнієвся“ отважно заявляетъ: „отсутствіе державно-исторического прошлаго не можетъ имѣть никакого значенія для сильной, „бадьорой“ (кажется: энергичной) націи, которая почувствовала свою силу и желаетъ воспользоваться своимъ прошлымъ сильнаго“. На замѣтъ, что „нація наша“ „бессильна, некультурна“, и что „темная, неорганизованная, разбитая масса, неодушевленная никакою идеюю, не можетъ творить исторіи при современныхъ обстоятельствахъ“, онъ отвѣчаетъ: „Да, мы некультурны. Это безусловная правда: наша нація некультурна. Именно ея культурность историческая, такъ какъ она замерла на той ступени, на которой она была еще въ XVII вѣкѣ. Это правда, что наша нація въ общей культурности съ поры конституціи 1654 г. поступила очень мало впередъ, а по многимъ причинамъ она была принуждена возвратиться къ болѣе низкимъ формамъ жизни, какъ политической, такъ и общественной“, не смотря, однако на то, „въ самомъ фактѣ нашей некультурности мы находимъ самый лучшій, самый могучій, самый сильный аргументъ и основаніе къ тому, чтобы политическое освобожденіе нашей націи поставить своиъ идеаломъ!“ На аргументъ, что „украинська національність“ есть толь-

ко разновидность русской народности , онъ отвѣтствъ: „Если-бы даже было доказано, что мы только разновидность русской націи, то и тогда нечеловѣческія отношенія русскихъ къ намъ освящаютъ нашу къ нимъ иенависть и наше нравственное право убить насильственника, защищаясь передъ насиліемъ. Кровь, если она пролита братскою рукою, еще громче вошестъ о мщеніи, такъ какъ это кровь брата! Пусть ученые ищутъ, кто былъ кому родственникомъ — оскорблѣнное чувство націи и кривда цѣлаго народа претятъ намъ признать нашу нравственную связь съ русскою націю. Поэтому мы можемъ обсуждать только средства и способы борьбы“.

Прежде, однако, чѣмъ приступить къ обсужденію средствъ и способовъ борьбы съ „анахвемскими москалемъ“, авторъ взваливаетъ значительную часть вины за некультурность „нашей націи“ на украинскую интелигенцію. Она, эта интелигенція, по словамъ автора, играла „въ исторіи украинской націи постоянно позорную и постыдную роль. Она измѣняла, бунтовала, интриговала, но никогда не служила своему народу, никогда не отождествляла своихъ интересовъ съ интересами цѣлой націи, никогда не хотѣла видѣть общности этихъ интересовъ. На глазахъ исторіи сильная, просвѣщенная и культурная интелигенція Украины привнесла въ XVI и XVII вѣкахъ польскую национальность и весь тѣ Четвертинскіе, Черторыйскіе, Вишневецкіе и Тышкевичи — плоть отъ плоти нашей и кость

ственнаю преемницею Шевченка, а ея традиців идутъ до Мазепы, Хмельницкаго и короля Давида, оставляя на сторонѣ украинофиловъ. Между молодою Украиною и украинофилами нѣть никакихъ связей — кроме одной страшной и роковой связи: своею кровью заплатить за ошибки предшественниковъ!"

Потому ли, что авторъ „Самостійной Украины“ искусный „политикъ“ и „государственный мужъ“, а главно „стратегъ“, который свои планы держитъ въ строгой тайнѣ, или овъ, бѣднага самъ не знаетъ, какими средствами и способами создать не въ брошюре, но въ действительности „самостійну Украину“. овъ ни словомъ не упоминаетъ объ этомъ, во всякомъ случаѣ немаловажномъ вопросѣ, только заявляетъ во всеуслышаніе:

„Время вышиванныхъ сорочокъ, свиты и горѣлки прошло и никогда не вернется! Третья украинская интелигенція — это выраженіе автора „Самостійной Украины“ приводить въ память римское военное выраженіе: *res ad triarios advenit* — стасъ къ борьбѣ за свой народъ, къ борьбѣ кровавой и беспощадной. Она вѣрить въ свою и национальныя силы и она исполнить свой долгъ. Она выписываетъ на свое знамени эти слова: „Одна, едина, нероздільна, вільва, самостійна Україна від Карпатів аж по Кавказу!“ Она отдаетъ себя на служеніе сему великому идеалу и какъ

тическую, национальную и экономическую свободу украинского народа, то близкія къ нему поколѣнья изъ такъ называемаго украинофильскаго лагеря написали на своеъ знамена: „Будемъ дѣлать такъ, чтобы никто, никогда, нигдѣ не зайдѣлъ нашей работы!“ Эта поколѣнья „бѣлыѣ горлацъ“ своимъ патріотизмомъ разврастили все украинское общество въ теченіе полѣ века. Напуганныя страданіями Шевченка, а отчасти и непріятностями, испытанными его товарищами, эти поколѣнья вылекали цѣлый кульпъ „страхоположства“, создали цѣлую релагію лояльности, эти поколѣнья своимъ неслыханнымъ работѣпіемъ, своею безъ-дѣйностью, своею необыкновенною неподвижностью оттолкнули отъ себя цѣлый рядъ движеній молодежи, стоявшей на украинско-национальной почвѣ. Эта поколѣнья сделали украинское движение чѣмъ-то позорнымъ, чѣмъ-то смѣшнымъ. Чѣмъ-то скурягнымъ! Эти поколѣнья притали украинофильству характеръ недоношенной разумомъ этнографической теоріи. Эти поколѣнья сами najleпше назвали себя украинофізмы, значитъ людьми, сочувствующими Украинѣ. Они не хотѣли даже называть себя украинцами. Тактика и политика украинофиловъ довела до того, что вся молодая Украина съ отвращеніемъ отвернулась отъ нихъ, симпатій же старой Украины они не съумѣли пріобрѣстъ. Такимъ образомъ украинофилы остались безъ потомства и современная молодая Украина считаетъ себя безпосред-

Карпатскихъ по Кавказскія" безъ Прикарпатской Руси) — и какія у него им'ются для столь великаго предпріятія основанія и средства? Можетъ быть окажется, что не стоитъ не только дрожать, но и волноваться и что все многоглагольствіе, содержащееся въ „Самостійній Українѣ“, не болѣе, какъ бредъ полуночного мањяка, зараженнаго сепаратистскими тенденціями.

Брошюра „Самостійна Україна“ издана во Львовѣ, какъ значится на заглавномъ листѣ, г. Е. Косевичемъ. Кто онъ? Онъ, говорять, студентъ львовскаго университета и, должно быть, сочувствуетъ мысли, выраженной въ „Самостійній Українѣ“, если, согласно требованію австрійскаго закона о печати, далъ брошюркъ свою фірму въ качествѣ издателя. Издателемъ „Самостійной Украины“, въ виду ея антируссихъ и антигосударственныхъ тенденцій, согласился бы быть также полякъ революціонеръ или жидъ-нигилистъ. Важенъ авторъ брошюри, но онъ до того скромный или осторожный человѣкъ, что не открылъ свѣту своего имени. А жаль, весьма жаль! Имена великихъ открывателей и изобрѣтателей записываются золотыми буквами въ исторію человѣчества, а между тѣмъ имя „открыватели“ или „изобрѣтателя“ „Самостійной Украины“ не будетъ красоваться рядомъ съ именами изобрѣтателей пергамитъ mobile и квадратуры круга. Одно вѣрю, что онъ российскій украинецъ, ибо его происхождение, кроме языка и слога, доказываетъ так-

же слѣдующее мѣсто въ брошюркѣ: „коли доводиться намъ іти на свои збори підъ донитливими поглядами цілої фаланги правителственнихъ шпіонівъ, коли українцеви не вільно признаватись до своеї національності“... Это могъ написать только россійскій украинецъ, такъ какъ галицкій или австрійскій украинецъ идетъ на свои собра-нія за розрѣщеніемъ, а доке подъ покровительствомъ всевозможнѣхъ властей, а за признаніе къ „своей національности“ нерѣдко получаетъ награду со стороны правительства, польского сейма и „благотворительныхъ“ польскихъ пановъ. Приведенное мѣсто, какъ также выраженіе на стр. 13 оговориваемой брошюрки: „ми зійшли ся до куни“, а наконецъ слово „промова“, находящееся въ ея заглавіи, свидѣтельствуютъ также о томъ, что текстъ брошюрки, начечатанный во Львовѣ, былъ произнесенъ въ видѣ рѣчи на собраніи сторонниковъ „Самостійної України“. Гдѣ и кѣмъ, это не входитъ въ область моего раз-судженія.

Составляеть ли, однако, мысль, выраженная въ брошюре, абсолютную новость въ украинофильскомъ движени? Нѣтъ. Развитіе украинофильства и вліяніе на него польскихъ революціонеровъ и международныхъ соціалистовъ, какъ также окончательная цѣли политическихъ украинофиловъ, представлены въ брошюре „Лите-ратурное и политическое украинофильство“ (Львовъ, 1898) довольно обстоятельно. Украинофильскія группы въ

долго хотя на одномъ клочѣ украинской территории будетъ владѣть чужинецъ, такъ долго украинская интелигенція не положитъ оружія, такъ долго вѣсъ поколѣнія украинцевъ будутъ воевать. Война будетъ вестись всѣми способами и борьба культурная счи-тается такъ же соотвѣтствующою, какъ и борьба физической силой... Но, какъ на ртія боевая, выросшая на почвѣ истории и партія практической дѣятельности, мы обязаны указать ту ближайшую цѣль, которую имѣемъ въ виду. Эта цѣль — воз-вращеніе намъ правъ опредѣленныхъ Переяславльскою конституціею 1654 г., съ рас-ширенiemъ ея вліянія на цѣлую територію украинскаго народа въ Россіи. Заявляемъ, что возьмемъ силой то, что нашъ слѣ-дуетъ по закону, но что отяго отъ насъ также силой. Наша нація долго была слабосильна, однако нынѣ стаетъ уже къ борьбѣ. Она добьется полной свободы и первый ступень къ ней: Переяславльская конституція!

Мы понимаемъ, что борьба будетъ лютая и долгая, что врагъ безощадный и сильный. Но мы понимаемъ и то, что это уже послѣдняя борьба, что потомъ уже никогда не настанетъ „случиній“ (удоб-ній) часъ къ новой борьбѣ. Ночь была долгая, но утро приблизилось и мы не до-пустимъ, чтобы лучи свободы вѣхъ нації заблестиали на нашихъ рабскихъ оковахъ: мы разобьемъ ихъ до восхода солнца сво-боды! Мы въ послѣдній разъ выступаемъ на историческое поприще и или побѣдимъ,

или умреть... Мы не хотимъ бытъ дальше
эвнухами, не хотимъ дальше переносить
владычества чужинцевъ, не хотимъ больше
оскорблений на своей землѣ. Насъ горсть,
но мы сильны нашей любовью къ Украи-
нѣ! Сыны „Украины“!⁴ Мы, какъ Антей,
касаясь земли, получимъ все большую си-
лу и „занятте“⁴. Насъ мало, но голосъ
нашъ будетъ расходиться вездѣ по „Украи-
нѣ“ и каждый, у кого еще не оподливше-
ся сердце, отзовется къ намъ, у кого же
оно оподлилось, къ тому мы сами отзовем-
ся! Пускай трусы и отступники идуть,
какъ и шли, въ лагерь нашихъ враговъ,
имъ не мѣсто среди насъ и мы объявля-
емъ ихъ врагами отечества. Всѣ, кто па
всей Украинѣ не за насъ, тотъ противъ
насъ. „Україна для українцівъ“ и какъ дол-
го хотя бы одинъ врагъ-чужинецъ о-
стается на нашей землѣ, мы не имѣемъ
права положить оружіе!⁴

Дрожи же Россія! Дрожи и ты,
Австрія! Дрожите и вы всѣ малороссы, не желающіе признать самостоя-
тельность „русько-українскаго“ народа и
возстать съ оружіемъ въ рукахъ въ цѣли
созданія „одной, единой, недѣли-
мой, вольной, самостоятельной
Украины отъ горъ Карпатскихъ
и Кавказскія!“ Или погодите, не
дрожите еще! Могло бы возникнуть земле-
теяссіе, а это непріятная и опасная исто-
рія. Посмотримъ прежде, кто это собира-
ется на развалинахъ Россіи и Австріи созда-
вать(ислья-же создать) государства „отъ горъ

сочета" происхождениемъ, исторію и языккомъ — человѣкъ не разлучить. Украинофилы всѣхъ бывшихъ и будущихъ формаций — „третья формація" еще не заключаетъ собою эволюціи украинофилства, такъ какъ для открытаго сліянія украинофловъ съ поляками еще не наступилъ „случайный" часъ въ вопросѣ своей отдѣльности отъ русскаго народа, поступаютъ подобно тѣмъ упрямцамъ, которые бы на основаніи теоріи Дарвина о происхождении человѣка отъ обезьяны вадумали утверждать, что они не люди, только обезьяны. Все человѣчество твердило бы: „мы люди", но „самостійники" стояли бы при своемъ: „а мы — обезьяны". Но хорошо! Малороссы, отдѣльный отъ великого русскаго и самобытный народъ, а то на основаніи ихъ языка. Но гдѣ начинается и гдѣ кончается граница, раздѣляющая малорусскій языкъ отъ великого русскаго не только на пространствѣ отъ Карпатскихъ горъ по Кавказскія, но до Владивостока, а въ направлениі съ юга на сѣверъ, отъ Карпатскихъ горъ до Ледовитаго океана? Гдѣ и куда эта граница могла бы быть проведена, если въ галицко-русскомъ нарѣчіи находится много элементовъ великого русской, а въ великому русскомъ нарѣчіи находится много элементовъ малорусской рѣчи? Сравните только языки трехъ томовъ „Іѣсень Галицкой и Угорской Руси", изданныхъ въ Москвѣ Я. О. Головацкимъ, съ языккомъ пяти томовъ „Великорусскихъ іѣсень", изданныхъ въ Петербургѣ А. И. Соболевскимъ. Украинофилы, а

также иноzemцами, даже не понимающіе русскаго языка и не знающіе русскаго народа, но испытывающіе его и боящіеся его единства любить основывать этнографическую отдельность малороссовъ отъ великороссовъ на смышленіи послѣднихъ съ финами и татарами. Развѣ въ южной Руси не было татаръ? Развѣ въ жилахъ русскихъ галичанъ мало татарской крови? Не будь татарь, у насъ не было бы фамилій съ татарскимъ окончаніемъ „чукъ“, не было бы нашихъ угновцевъ, куликовцевъ, „овощныхъ“ бойковъ, комарницевъ, яворовцевъ, поморянцевъ и т. д., народа энергичаго, смысленаго и предпринимчиваго, и мы имѣли бы на всемъ пространствѣ Галицкой Руси мягкій, податливый русско-славянскій типъ, довольный тѣмъ, что „Богъ послалъ“ и склонный лежать горѣ брюхомъ на пристекѣ, думать думу, или въ скоромное время распѣвать „Грица“. Не нужно доказывать, что народы-романтики, народы-поэты въ нынѣшнее время вымираютъ, что существовать и развиваться могутъ только народы энергичные. А что прымѣсь татарской крови придала русскимъ славянамъ энергию, это доказываютъ великороссы и наши галицкіе угновцы и т. д.

Какъ главное основаніе самостоятельнаго политическаго быта Украины, авторъ брошюры выставилъ т. н. „Переславльскія статьи“, т. е. пункты, на основаніи которыхъ наступило присоединеніе Украины къ Московскому государству въ 1654 году. Для оцѣнки и правильнаго пониманія того великаго историческаго события, продолже-

Галичинѣ, а именно, политическая партия: национально-демократическая, радикальная и социально-демократическая (см. брошюру: „Самостійна Україна. Вбивство Романа Стефановича, Львовъ, 1900) включили въ послѣднее время „Свободу ю, нераздѣльную Україну безъ холода и безъ пана“ въ свои программы.

Поэтому мысль о создании независимаго украинскаго государства — не новость. Новость въ оговориваемой брошюркѣ развѣя тонъ, до цинизма доведенная ненависть къ русскимъ и совершенно опредѣленно выраженное стремленіе украинофиловъ „третьей формациі“. Новымъ явленіемъ въ данномъ вопросѣ можетъ считаться также собраніе „русько-украинской“ молодежи, состоявшееся 1 (14) іюля с. г. во Львовѣ, въ которомъ присутствовали однакоже и старые украинофилы и въ которомъ были приняты предложения, содержащіяся въ брошюркѣ „Самостійна Україна“.

Для достижения реальной цѣли необходимы прежде всего реальные основанія. Созданіе нового независимаго государства — безусловно реальное и великое дѣло. Какія-же основанія имѣютъ украинцы „третьей формациі“ для его достиженія? Въ брошюркѣ „Самостійна Україна“, существующей представлять собою кодексъ украинофильского политического изданія и украинофильскихъ правъ и чаяній, нельзя найти первого и главнаго основанія — доказательства совершенной отдельности малорусскаго иллемени отъ вели-

корусского. Авторъ брошюры даже не касается этого вопроса, какъ будто бы онъ былъ уже давно решенъ по желанию украинофиловъ, польскихъ политиковъ и, допустимъ, гр. А. Голуховскаго; онъ говорить только: „наша нація“, „украинска нація“ въ противоположность къ русской націи. Но ученіе объ отдѣльности малороссовъ отъ великороссовъ, о такой отдѣльности, что они чужды другъ другу народы, тенденціозная ложь. Это доказываютъ исторія, языкъ, вѣра и дѣйствительная жизнь этихъ двухъ вѣтвей русскаго народа, а посему стремленіе политически отдѣлить малороссовъ отъ великороссовъ на основаніи ихъ минной национальной отдѣльности — уже въ самой своей основе содержитъ элементъ лжи и гибели. Авторъ брошюры и всѣ его сторонники, пишущіе на русско-польско-немецкомъ жаргонѣ, могутъ дѣйствительно считать себя отдѣльными отъ великороссовъ особями, — они, впрочемъ, заслужили, чтобы ихъ считать даже отдѣльными отъ малороссовъ субъектами — но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы ихъ убѣжденія, или, лучше сказать, заблужденія, имѣли стать закономъ для цѣлаго малорусскаго или южнорусскаго народа и перемѣнить ихъ родственные отношения къ великому корусскому народу. Тутъ не помогутъ никакія ссылки на Миклошичей и другихъ „австрійскихъ славистовъ“, пытавшихся недавно изобрѣсти „боснійскій“ языкъ, чтобы раздѣлить сербовъ, никакія лжемудрствованія Конискихъ, Грушевскихъ и Барвинскихъ. „Еже Богъ

писки Наук. Тов. им. Шевченка" за 1898 г.) передаетъ со словъ польского комиссара, Мясковскаго, что Хмельницкій въ 1649 году заявилъ тому же комиссару: "Выбью изъ лядской неволи весь русскій народъ... За границу не пойду, сабли на турчина и татаръ не подниму! Довольно имѣю на Украинѣ, Подольѣ и Волыни теперь, довольно досуга, достатка и пожитка въ землѣ и книжество въ моемъ по Львовъ, Холмъ и Галичъ"... Проф. Грушевскій восхищается словами Хмельницкаго и восклицаетъ: "Сколько столѣтій мы не слышали ничего подобнаго отъ политическихъ дѣятелей на Руси — идя единоства „украинско-русскаго" народа въ его этнографическихъ границахъ и политической свободѣ для цѣлаго „украинско-русскаго" народа!" Почему-же, однако, Хмельницкій, послѣ произнесенія этихъ самоувѣренныхъ словъ, три раза слалъ пословъ въ Москву и молилъ о принятіи Украины подъ царскую власть? Потому, что Хмельницкій былъ умный человѣкъ и великій патріотъ, потому что онъ видѣлъ, что его "княжество" самостоятельно существовать не можетъ и что оно опять будетъ поглощено Польшею. Это онъ, впрочемъ, доказалъ въ Переяславль въ 1654 г. и только проф. Грушевскій можетъ пояснить его слова къ польскому комиссару, какъ выраженіе "иден единства и политической свободы" для цѣлаго "украинско-русскаго" народа, ибо Хмельницкій и не думалъ о Червонной, а

тѣмъ болѣе обѣ Угорской Руси. Нужно быть, однако, завзятымъ „мазепинцемъ“, чтобы явную измѣну Мазепы въ виду Петра Великаго и всего русскаго народа выставлять, какъ это дѣлаетъ авторъ брошюры, какъ патріотическую попытку соединить все вѣти и вѣтки „нашаго народа“ въ одну самостоятельную державу.

Каждый разсудительный малороссъ, дорожацій „переславльскимъ контрактомъ“, иначе осудить Мазепу. Вѣдь онъ своею измѣною, какъ гетманъ украинскій, первый нарушилъ упомянутый „контрактъ“ и тѣмъ самымъ освободилъ Петра Великаго и его преемниковъ на царствѣ отъ соблюденія его „пунктовъ“. Поставленіе въ одинъ рядъ Хмельницкаго и Мазепы свидѣтельствуетъ сверхъ того о крайнемъ неопониманіи авторомъ „Самостійной Украины“ роли ихъ въ русской исторіи. Между фактомъ национальной самообороны и борьбы за независимость народа и между подпольными стремлѣніями сепаратизма существуетъ громадная разница. Въ первомъ случаѣ такая борьба — борьба Хмельницкаго съ Польшею — называется подвигомъ; во второмъ — измѣна Мазепы Петру I — она преступленіе. Борьба Хмельницкаго была патріотическая, такъ какъ въ ней участвовалъ весь народъ, попытка же Мазепы имѣла революціонный характеръ, не общена родиной, только партійный и была вызвана не дѣйствительнымъ стремлѣніемъ южно-русскаго населенія къ политической независимости, а навязана одной части

нія, по далеко не окончанія „собиранія русской земли“, необходимо принять во внимание тогдашнее положеніе Южной Руси; не говорю „Украины“, такъ какъ Украина только малая часть Южной Руси, лежавшая на восточной „окраинѣ“ Польши. Хмельницкій разбивалъ польскія войска, освобождалъ и освободилъ южно-русскія земли — за исключениемъ Галицкой Руси, одной части Волыни и Литовской Руси — отъ польского владычества, но какъ онъ, такъ и козацкіе старшины сознавали, что освобожденныя земли не сохранить своей свободы и самостоятельности безъ покровительства московскаго царя. Поэтому вскорѣ послѣ Зборовскаго договора (1649 г.) ибо уже въ 1650 г., козаки видя, что условія договора Польшею не соблюдаются, рѣшили на радѣ въ Переяславль отправить къ московскому царю Алексѣю Михайловичу посольство съ просьбою, принять освобожденныя русскія земли подъ свою царскую руку. Послѣ Бѣлоцерковскаго договора, въ то время, когда изъ южной Руси народъ тысячами переходилъ въ московское царство, убѣгая передъ притѣсненіями поляковъ, Хмельницкій вторично отправилъ (въ 1652 г.) посольство къ Алексѣю Михайловичу и повторилъ свою и южнорусскаго народа просьбу. Въ 1653 году Хмельницкій въ третій разъ отправилъ въ Москву посольство, которое, наконецъ, и добилось успѣха. Въ 1654 г., 8 января, состоялась въ Переяславль „Великая Рада“, на которой, на основа-

ванії единодушного рѣшенія народа: „Волимъ подъ царя восточнаго православиаго!“ и послѣдовало торжественное присоединеніе Украины, части Волыни и Подолья къ Московскому царству. Конечно, это присоединеніе было оформлено условиями. На нѣкоторыхъ изъ нихъ, а именно на точкахъ, обезпечивающихъ присоединеннымъ землямъ навѣстную степень самоуправлѣнія, свободу имѣть свое войско и гетману принимать пословъ иностраннаго державъ, за исключеніемъ Польши и Турціи, авторъ брошюры построилъ теорію объ исторической государственной самостоятельности Украины и утверждаетъ, что Украина составляла съ московскимъ царствомъ „союзъ державъ“, что Украина присоединилась къ Московскому царству на основаніи принципа „ровный съ ровнымъ“, „вольный съ вольнымъ“, но что потомъ Россія уничтожила самостоятельность Украины, и что Хмельницкій и Мазепа дѣлали „спробунокъ“, т. е. попытки къ соединенію всѣхъ вѣтвей и вѣтокъ малорусскаго народа въ одну цѣльную державу. Да, Хмельницкій дѣйствительно пытался соединить русскій народъ въ одну цѣльную державу, и его попытка увѣничалась успѣхомъ въ Переяславль, въ 1654 г., хотя и не вполнѣ, такъ какъ многія русскія земли остались при Польшѣ. Быть можетъ, что Хмельницкій носился съ мыслью образовать изъ освобожденныхъ земель самостоятельную державу. Проф. М. Грушевскій въ статьѣ „Хмельницкій і Хмельницьна“ („За-

занимавшіе въ украинскомъ войскѣ и въ радѣ мѣста старшинъ, угнетавшіе въ со-
савшіе украинскій народъ — исключая
только вѣру — не хуже польскихъ пановъ,
а кромѣ того постоянно ссорившіеся и
дравшіеся между собою. Благодаря тѣмъ
панамъ и возникла малорусская поговорка:
„Не дай, Боже, съ хлопа пана“. Если бы
Хмельницкій не былъ присоединилъ Укра-
ины къ Россіи, украинцы до нынѣ, быть
можетъ, служили бы „казачками“ и „се-
менами“ на дворахъ польскихъ помѣщи-
ковъ и носили бы воду жидамъ.

Въ Россіи малороссы и великороссы
уравнены во всѣхъ правахъ и обязанно-
стяхъ, какъ дѣйствительно „ровные съ ров-
ными“ и „вольные съ вольными“. Если
русское правительство издало законъ отъ
17 мая 1876 г., воспрещающій издание у-
ченыхъ сочиненій и учебниковъ на малорусскомъ нарѣчії — „вірши“, беллетристич-
ескія и драматическія „творы“ любители
могутъ производить сколько угодно — то въ
той цѣли, чтобы не допустить до такого се-
партизма, котораго представителями явля-
ются нынѣшніе украинофилы „третьей фор-
мациіи“, настоящіе „мазепинцы“. Германія
— конституціонная страна, но иѣсколько
льть тому назадъ германское правитель-
ство запретило печатать иѣмецкія книжки
фоветикою, дабы не допустить до литера-
турнаго и национальнаго раскола среди
иѣмцевъ, а въ прошломъ году генеральное
собраніе всѣхъ актеровъ изъ всей Герма-
нии приняло рѣшеніе — не употреблять на

сценѣ нѣмецкихъ простонародныхъ говоръ. Нѣмцы — культурный народъ, „украинцы“-же, по свидѣтельству автора брошюры „Самостійна Україна“ — „некультурны“. Слѣдовало бы имъ въ виду того подумать, почему нѣмцы не пишутъ ученыхъ сочиненій на многочисленныхъ нѣмецкихъ нарѣчіяхъ, почему германское правительство не позволяетъ печатать нѣмецкихъ книжекъ фонетикою, почему нѣмецкие актеры постановили говорить на сценѣ только литературнымъ языкамъ? Если бы они подумали, даже съ малорусской разстановкою, то пришли бы къ убѣждению, что они, т. е. украинофилы всѣхъ „формаций“ еще большие некультурны, чѣмъ они сами въ этомъ сознаются. Они убѣдились бы, что всѣ тѣ Безбородки, Прокоповичи, Яворскіе, Процінскіе, Гоголи, Грибичи, Потапенки, Короленки, а я добавлю отъ себя — Водянскіе, Григоровичи, Галаганы, Максимовичи, Данилевскіе, Немировичи-Данченки и „нимъ-же нѣсть числа“ дѣйствительно „украинская кровь“ — люди разумные, люди культурные, не закопавши своихъ талантовъ въ „самостійну“ литературу и „самостійный“ языкъ своего села или города, но поставивши ихъ на свѣтильникъ общерусской литературы и общерусского языка, „да всѣмъ свѣтятъ“: украинцамъ и москвичамъ, галичанамъ и новгородцамъ, буковинцамъ и рязанцамъ, волынцамъ и дощамъ. Они не „отступники“ отъ малорусского народа, напротивъ, они нравственные и духовные собиратели рус-

козаковъ честолюбіемъ и политическимъ коварствомъ Мазепы. Москва, раньше присоединенія къ ней Украины, „собирала“ на съверъ русскія земли; собрався съ силами, она была бы начала „собираніе“ и на югѣ. Хмельницкій и возставшій противъ Польши русскій народъ облегчили Москвѣ ея историческую задачу, а потому могли ли Петръ Первый и Екатерина Вторая, наученные попыткою Мазепы, оставить Украинѣ автономію и тѣмъ самыи допустить возможность повторенія „спробунка“ Мазепы и „собраниую“ русскую землю выставить на опасность раздробленія? Возможно ли въ настоящее время существование благоустроеннаго, правового государства, въ которомъ могло бы существовать второе государство, въ данномъ случаѣ Украина со своимъ независимымъ гетманомъ, своимъ войскомъ, съ правомъ вступать въ международныя сношенія съ иностранными державами, а, наконецъ, съ необузданною, полудикою ватагою козаковъ, сыгравшихъ свою историческую роль, паведшихся и умѣвшихъ, по свидѣтельству большаго украинца, чѣмъ украинцы „третьей формациї“ вѣвъ выѣстъ взятые, И. А. Кулиша, только разбивать и грабить? Уничтоженіе автономіи Украины и Запорожской Сѣчи было историческою необходимостью и условіемъ мирнаго и усиленнаго развитія и процвѣтанія всей Россіи и южной Руси. И. А. Кулишъ высказалъ это въ слѣдующемъ стихотвореніи:

„Не любятъ земляки Петра да Екатерины:
Се не по ихъ нутру и розуму цари;

Подподовимили они, бачъ, Украины,
И въ рабство вольниу чернь козацку завдали.

Мое земляцтво! Вы сами свой народъ ъли,
До кореня ту чернь згрызали козаки:
Отсв-жъ вы першъ усѣхъ ю й закрепостили,
Сами-жъ були съ дѣдовъ и предковъ кренаки.

Коли не Батыю съ подъ батога служили,
Дакъ ляху, литвину невольницу тягли,
Про „душмановъ“⁴ Ляхонъ одно-дногого душили
И родный край въ ясырь Татарамъ отдали.

Утекши-жъ подъ Москву, московскими руками
Правдивыхъ земляковъ ссылали на Сибирь,
Письмениу братію въ старцы порозгоняли,
Зробиди мовчизну руину зъ Братскихъ школъ.

Созданъе двохъ царей, работу душъ великихъ,
Вы хотите въ хаось руиний обернуть,
Широкій рускій свѣтъ отдать на воду дикимъ
И перегородить ему культурный чутъ.

Мы, збувши козаковъ, що нась колись давили,
У жерту просвѣтъ себе принесемо,
И вамъ, котрихъ лихи горд'їца породили,
Россію обернуть у нивецъ не дамо.

Пи деспотство Петра, пи грочка Катерини,
Ни дики слуги ихъ, мовь сердце въ козака,
Не наробили намъ такого зла й руини,
Якъ принесли добра ихъ розумъ и рука!⁴

(См. Куліш Олелькович Нашко „Дзвін.“ Староруські думи й суніви. Женева 1893)

Кто, впрочемъ, потерялъ на уничтоженіи Переяславльского договора? Не украинскій народъ, только украинскіе паны,

им'ючій свій государственныя традиції, родову и богатую аристократію, благоволеніе Рима и іезуїтівъ, многочисленну и едину по духу и стремленимъ интелигенцію, многочисленное и богатое прозыщенное сословіе и массу простонародія, — народъ, им'ючій много условій для самостоятельного государственного быта; не смотря, однако, на иѣсколькократныя усилия онъ этой своей завѣтной цѣли не могъ добиться. Тѣхъ условій не им'еть „украинскій“ народъ, если подъ словомъ „украинскій“, что, однако, неправильно, понимать не лишь собственныхъ украинцевъ, т. є. населеніе Украины, не обозначенной, впрочемъ, ближе географическими границами, но и жителей Подолья, Волини, Галичини, Буковины и Угорщины и если допустить, что населеніе этихъ областей дѣйствительно „самостоятельный“ народъ. У него нѣть общихъ государственныхъ традицій, такъ какъ и въ удѣльный періодъ, когда еще даже не существовало название „Украина“, и во времія польского владычества тѣ рускія земли составляли отдельныя политические области. У галичанъ есть двѣ государственныя традиції, но одна изъ нихъ восходить до Владимира Великаго, до единства Руси, а такимъ образомъ не подходитъ къ сепаратистскимъ стремлениямъ, другая же вижется съ именемъ короля Данила, но и эта, какъ будетъ сказано ниже, не можетъ отвѣтить мысли „мазепинцевъ“. Впрочемъ, какое значеніе им'ютъ иныѣ „государственные традиції“ или „наслѣд-

ственныя права" въ виду стремлениія народа къ національному объединенію, а не разъединенію? У "украинскаго" народа иѣтъ богатой и родовой аристократіи, многочисленной интелигенціи и богатаго промышленнаго сословія, мечтающихъ о политической самостоятельности "Украины", такъ какъ часть ихъ ополячилась, часть омадъярщилась, часть приняла участіе въ великомъ подвигѣ "собирания Руси" и живеть въ своемъ самостоятельномъ государствѣ, въ Россіи, часть же, въ Галичинѣ и Буковинѣ, старается жить національно и культурною жизнью всей Руси. Остается масса простонародія, но эта масса, живущая въ трехъ государствахъ, въ Россіи, Австріи и Угорщинѣ, и не помышляетъ обѣ отдельной политической самостоятельности, ибо въ Россіи она ее имѣть, а въ Австріи и Угорщинѣ она была-бы довольна, если бы могла достичь политической и національной равноправности съ другими народами. Авторъ "Самостійной Украины" ссылается на государственную традицію Червонной Руси, доходящую до королевства Данила Галицкаго, но мы, галичане, не можемъ на основаніи этой традиціи добиться признания намъ государственного права и автономіи, не только государственной самостоятельности. А если бы уже на то пошло, то мы, галичане, не отказались бы въ пользу Украины отъ своего исторического преимущества и назвали бы самостоятельную державу не "Украиною", только "Галичью". "Украина" — терминъ, данный

скаго народа въ одну великую национальную и культурную семью, отступники-же — „спадкоемці“ Маєсні, представители „недонешеної разумомъ этнографической теорії“. Я вполни согласиъ съ авторомъ „самостійної України“, что „украинцы“ — некультуры. Вѣдь онъ самъ говоритъ, что „украинская“ нація „замерла на той ступени, на которой она была еще въ XVII вѣкѣ“ и что она была даже „принуждена воавратиться къ болѣе низкимъ формамъ жизни“. Конечно, кто не желаетъ или кто слишкомъ ограниченъ для того, чтобы идти съ прогрессомъ, съ тѣмъ прогрессомъ, который съ 1654 г. сдѣлала общерусская литература, общерусскій языкъ, русская наука, русская гражданственность — однимъ словомъ — русская культура, тотъ дѣйствительно некультурный — человѣкъ ли онъ, или народъ. Ему, замершему на ступени культуры 1654 г., можетъ даже казаться, что весь другіе, опередившиі его не принадлежать къ его народности и что только онъ истинный представитель национальной самостоятельности замершаго въ 1654 г. народа.

Къ счастью для малорусской вѣтви русскаго народа она въ общемъ пошла по пути исторического развитія всего русскаго народа, она сама въ лицѣ своихъ выдающихся сыновъ содѣйствовала этому развитію, а по сemu „некультурность“, приносимая авторомъ „Самостійної України“ всей „украинской“ націи, можетъ относиться только къ тѣмъ единицамъ и кружкамъ

украинофиловъ и „мазепинцевъ“, которые отрицаютъ национальное и культурное единство русского народа и, остановившись на 1654 году, не могутъ тронуться съ места, не имѣя, кромѣ желания, никакого вѣскаго основанія для оправданія своей отособленности и „самостійности“. Они и не сойдутъ съ той „мертвой точки“, такъ какъ русская культура не ждетъ, пока украинофилы создадутъ свою самобытную литературу и национальность, только неудержимо поступаетъ впередъ и, какъ ясное солнце, своимъ лучезарнымъ свѣтомъ освѣщаетъ и просвѣщаетъ не только всю Русь, но начинаетъ озарять и славянскіе и иноязычные народы. И. А. Кулішъ такъ опредѣлилъ значеніе присоединенія Южной Руси къ Россіи („Дзвінъ“ стр. 115): „Були мы кровожерными ястребами-ракогами въ рукахъ у польской шляхты, що съ нами полювала на Москаля, мовъ на птаха, у товариствѣ-жъ съ родною и единовѣрною Русью переродились мы въ гарно-величныхъ гоголей и землякомъ Гоголемъ закрасили новорусскую литературу“.

Какъ видимъ, у украинофиловъ всѣхъ „формацій“, не только третьей, нѣть оснований для созданія „Самостійной Украины“ отъ Катчатскихъ горъ по Кавказскія. Но, быть можетъ, у нихъ есть средства для достижения этой цѣли, особенно, что они угрожаютъ „взять силою то, что имъ слѣдуетъ по праву“? Какія, однако, ихъ основанія, такія „права“ и такія и средства. Поляки — безспорно культурный народъ,

Что же, въ виду этого, доказать авторъ брошюроки „Самостійна Украина“ и всѣ тѣ украинцы, галичане и буковинцы, которые раздѣляютъ его вождольнія? Доказать, до какихъ преступныхъ и прямо сумасшедшихъ послѣдствій можетъ довести украинофильскій сепаратизмъ. Это я говорю не какъ австрійскій гражданинъ, а тѣмъ менѣе какъ политической сторонникъ Россіи, но какъ членъ русскаго народа, имѣющій право такъ само всенародно высказать свои мысли и уображенія, какъ всенародно высказать ихъ авторъ „Самостійной Украины“. Идея создания самостоятельной „украинской“ державы — совершение самостоятельной или связанной съ Польшою на началахъ федераціи, чѣмъ польскіе политики дурачать украинофиловъ, обѣщаю имъ даже дать короля изъ секундогенитуры одной изъ владѣющихъ династій — угрожаетъ цѣлости Австро-Угорщины и Россіи, а по этому она преступна и, что касается Австро-Угорщины, ни одинъ русскій галичанинъ, буковинецъ и угорецъ не можетъ ей сочувствовать, не нарушая вѣриности законному императору и державѣ. Но эта сторона „мазепинства“ не входитъ ни въ кругъ моей задачи, ни въ область предлежащаго разсужденія. Меня, какъ также каждого русскаго галичанина, буковинца и угорца, любящаго свою родину и желающаго ей добра, касается и должно касаться то, что распространеніе упомянутой идеи можетъ навлечь на нашу родину новыя

бѣдствія и еще больше ухудшить ся незавидное положеніе. Наша ближайшая родина перенесла въ своей исторической жизни гораздо больше несчастій, чѣмъ другія части Руси. Поэтому она считается даже превосходиціе къ Австріи облегченіемъ своей злополучной судьбы. Находясь же въ начальѣ, ибо только съ 1848 года, своего национального, культурного и экономического развитія, добиваясь съ исимовѣрными усилиями равноправности съ другими народами имперіи, а сверхъ того, борясь съ сильными и неумолимыми противниками, она не можетъ легкомысленно пускаться на „спробунокъ“, предлагаемый украинофилами „третьей формациі“. Всѣ заботы сознательного русского общества въ Галичинѣ, Буковинѣ и Угорщинѣ должны быть направлены къ заливченію ранъ, нанесенныхъ и наносимыхъ до сихъ поръ русскому народному организму польщизною, мадьярщиною, латинствомъ, а въ послѣднее время и украинофильствомъ и къ сохраненію русской народности для грядущихъ, быть можетъ, болѣе чѣмъ наше, счастливыхъ поколѣній. Какая судьба ждетъ Прикарпатскую Русь, т. е. Галицкую или Червонную, Буковинскую и Угорскую, впереди, будетъ ли она „собрана“, составить ли въ австро-угорской импариалии, чего она и добивается, национально-автономическую область, или будетъ дальше мыкать горе, раздѣленная на три части и въ борьбѣ съ четырьмя противниками: польщизною, румынствомъ, мадьярствомъ и латинствомъ, — этого нельзя пред-

польками ихъ окраиному владѣнію на Руси, составляющему въ настоящее время части кіевской и черниговской губерній. Въ виду этого присвоеніе названія „Украина“ южно-русскимъ землямъ, имѣющимъ свою древнія историческія названія, Волынь, Червонная Русь, Угорская Русь, и присвоеніе названія „украинцы“ волынцамъ, червонороссамъ или галичанамъ, буковинцамъ и угророссамъ, не только безсмысленно, но и для послѣднихъ обидно. Какія особенные преимущества имѣетъ „Украина“ предъ Червонной Русью, предъ Буковинской Русью или предъ Угорской Русью (не „Венгерской“, какъ это принято съ польска называть, только „Угорской“, т. е. живущей или лежащей „у горъ“ Карпатъ)? Впрочемъ малороссы, живущіе въ Австро-Угорщинѣ, называютъ себя не „украинцами“ и не „русины-украинцами“, только древнимъ историческимъ терминомъ „русины“, а для обозначенія своей національности именемъ прилагательнымъ употребляютъ слово — не „украинскій“, не „русько-украинскій“, даже не „мало-русскій“, только „русскій“ и отъ этого термина они не откажутся, несмотря на всѣ усилія украинофиловъ всѣхъ „формацій“, старающихся, по примѣру поляковъ, нагнать изъ употребленія слово „русскій“.

Политическая самостоятельность народа, даже при вѣнчанихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, зависитъ отъ его общаго національного склада, характера его міровоззрѣнія, его общаго этическаго развитія

и запаса его творческихъ силъ. Для народа недостаточно желать быть самостоятельнымъ, нужно еще уметь быть такимъ и наглядно доказать это умѣніе предъ судомъ исторіи. Русскій народъ,— оставляя на сторонѣ Червоиную и Угорскую Русь, находившіяся въ особыхъ условіяхъ и обстоятельствахъ,— доказалъ, что онъ умѣетъ быть самостоятельнымъ, такъ какъ во все время своего исторического существованія и на всѣхъ ступеняхъ гражданского развитія стремился къ осуществленію именно государственныхъ идеаловъ. Нынѣшняя политическая самостоятельность русскаго народа въ Россіи есть результатъ его вѣковой исторической жизни и трудовъ всѣхъ его поколѣній, участвовавшихъ въ „собираціи Руси“. Это „собираніе“ совершилось различно. „Собирали“ цари московскіе, „собиралъ“ Хмельницкій, „собирали“ всероссійскіе императоры, все, однако, во имя русской національной идеи, служившей символомъ единства русскаго народа. И можетъ ли быть замѣненъ этотъ естественный органическій процессъ искусственными „спробушками“ спараптистскихъ вожделѣній невѣдомыхъ лицъ или даже партій, — вожделѣній, происходящихъ изъ честолюбія или легкомыслія? Русскій народъ, „собравшійся“ цѣлую столѣтія путемъ великихъ напряженій своихъ духовныхъ и физическихъ силъ, нашелъ бы силу и средства подавить такие „спробушки“, особенно, если онъ составляется величайшее въ мірѣ государство.

мъшанихъ головахъ, даже если она виновна имъ посторонними политическими интригами или даже державами, имѣющими свою собственную цѣль въ ея провозглашеніи и распространеніи. Вѣдь украинофилы „третьей формациіи“, т. е. явные „мазепиницы“, сами говорятъ, что будутъ добиваться своей цѣли „даже вопреки логикѣ фактovъ“ т. е. здороваго разума. На свѣтѣ существуютъ различные роды маніаковъ и различные виды маний. Въ брошюре „Самостійна Україна“ встрѣчается манія „борьбы и пожертвования за идею“, въ своемъ основаніи совершенно ложную. Люди, поступающіе сознательно „вопреки логикѣ фактovъ“ — люди больны, одержимы психическими недугомъ, который проф. Крафтъ-Эбингъ опредѣлилъ названиемъ Paranoia expansiva и какъ такіе могутъ вызывать чувства состраданія, но не должны имѣть подражателей. Несомнѣнно, что въ средѣ украинофиловъ есть люди искренне заблуждающіеся, несомнѣнно, что маніаки будутъ стараться распространять свою идею среди галицко-русской и буковинско-русской молодежи. Имъ-то, искреннимъ украинофиламъ и неопытной молодежи я и хотѣлъ указать на разнузданность, глумление надъ логикою и здоровымъ разумомъ, надъ основными понятіями русской национальности, надъ понятіемъ гражданственности, а следовательно и цивилизациіи, проявленія въ брошюре „Самостійна Україна“, дабы ихъ спасти отъ болѣзнейшихъ и тлестворныхъ фантазій „мазепиниц“.

цевъ.“ Къ „маэшинцамъ“ же, и къ другимъ национально-политическимъ дуроломамъ, обращаясь въ заключеніе словами Н. А. Кулиша (См. „Дзѣвін“ стихотвореніе XXXI „До родного народу“):

„Народѣ безъ путя, безъ чести и поваги,
Безъ правды въ письменахъ, завѣтахъ предковъ
дикихъ,

Ты, що повставъ еси зъ безумнои отваги
Горькихъ цянищъ, сѣпакъ и розбишакъ великихъ!

Що ни здобувъ еси мечемъ середъ Руины,
Все вязвъ у тебо зъ рука премудро твой добродѣй:
Шукаешь помацки десь ишой Вкраницы,
И зъ материаною ховаешься, мовъ злодѣй.

На-жъ зеркало, — оно всесиѣтие, — вызирайся,
И зрозумѣй, якій ты азіатъ мизерный,
Розбоемъ по свѣтахъ широкихъ не пышайся,
Забудь свой мановецъ, козацкій пролазъ темный,
И на культурныи путь Владими́р-
скій вертайся!“

видѣть. Вѣрно, однако, то, что населеніе Прикарпатской Руси, кромѣ легкомысленныхъ сепаратистовъ „третьей формациії“, подобно Хмельницкому не вѣрить въ возможность существованія самостоятельной „украинской“ державы, какъ потому, что у малороссовъ нѣтъ основаній и условій къ самостоятельному государственному быту, такъ и потому, что польскіе политики не отказались отъ возсозданія исторической Польши „отъ моря до моря“, а такая Польша немыслима безъ южнорусскихъ земель. Если бы поэтому Россія и Австрія или Россія одна и были разгромлены — безъ чего несуществимы ни надежды польскихъ политиковъ, ни украинофиловъ „третьей“ формациії — то прежде всего возникла бы Польша, а если бы и возникла „Украина“, хотя бы и въ федераціи съ Польщею, то лишь для того, чтобы скоро сдѣлаться добычей послѣдней. Русское населеніе Червонной Руси, однако, носившее на себѣ въ теченіе пяти столѣтій иго Польши, вовсе не желаетъ себѣ возвращенія шляхетско-іезуитского владычества, будь непосредственно, будь чрезъ „самостійную Украину“. Если бы русскому населенію Галичины и Буковины (о Угорской Руси не говорю) было предложено — подобно тому, какъ Хмельницкій предложилъ на радѣ въ Переяславль 1654 г. выборъ между польскимъ королемъ, султаномъ и царемъ московскимъ — выбрать между Польщею, самостоятельною „Украиною“ и Австрію, оно, не надумываясь, рѣшило бы: „Волимъ подъ

царя австрійскаго нѣмецкаго!»¹⁴ Попытка къ образованію самостоятельной „Украины“ встрѣтила бы самое сильное сопротивление со стороны русского населенія Червонной Руси, даже со стороны большинства галицкихъ и буковинскихъ украинофиловъ, такъ какъ эта попытка, съ точки зрења всѣхъ австрійскихъ малороссовъ противилась бы долгу вѣрности Австріи, съ точки зрења же сознательного русского общества противилась бы национальному и культурному единству русского народа. Украинофилы „третьей формациї“ угрожаютъ взять силою „самостоятельную Украину“. Не лишнимъ будетъ привести имъ въ память события 1863 г., когда польскіе восстанцы хотѣли „взять силою“ самостоятельную Польшу. Галицко-русскіе мужички, хотя и не подданные Россіи, противъ которой было поднято знамя восстания, съ удовольствіемъ вылавливали въ лѣсахъ „польчковъ“, какъ они называли повстанцевъ, и, отдавая ихъ въ руки австрійскихъ властей, требовали только „тоику соли за голову“. Галицко-русское простонародіе до сихъ поръ не перемѣнило своего взгляда на восстание поляковъ и обошлось бы съ „мазепинцами“ такъ само, какъ съ „польчками“. Этого не слѣдуетъ забывать новоявленнымъ „мазепинцамъ“!

Сообразивъ всѣ вышеупомянутыя обстоятельства, нельзя не прийти къ заключенію, что идея создания самостоятельной „украинской“ державы могла зародиться только въ легкомысленныхъ или полуно-